PROCESSED
APR 25 2007
GTU LIBRARY

ПРАВОСЛАВНАЯ ЖИЗНЬ

Orthodox Life

Ежемѣсячное приложеніе
къ журналу
„Православная Русь".

4

АПРѢЛЬ **1959** APRIL

Holy Trinity Monastery, Jordanville, N. Y.
U. S. A.

Second-class postage paid at Jordanville, New York.

LIBRARY
PATRIARCH ATHENAGORAS
ORTHODOX INSTITUTE
at the GRADUATE

ОГЛАВЛЕНІЕ:

Слово на вечерни перваго дня Пасхи. Приснопамятнаго архіеп. Симона. 3
Пасха въ Кремлѣ. А. Н. Муравьева. 4
Привѣтъ Родинѣ. Стихотвореніе В. К. Л. 15
Пасхальная ночь. Стихотвореніе Н. Турениной. 16
Стихотвореніе Надежды Л. 16

Отдѣлъ юношескій и дѣтскій.

То, чего нельзя забыть. Лидіи Кобеляцкой. 17

Невѣроятное для многихъ, но истинное происшествіе. К. Икскуль. 22

Выписывайте изъ книжнаго склада монастыря

Закóнъ Бóжій

для семьи и школы
со многими иллюстраціями (около 300).
Составилъ **Свящ. Серафимъ Слободской.**
Въ книгѣ 576 страницъ.
Цѣна въ хорошемъ переплетѣ $ 6.-

Приложеніе къ учебнику ЗАКОНА БОЖІЯ того же автора

Краткій сборникъ статей апологетическаго содержанія.
(въ помощь родителямъ и воспитателямъ).
Цѣна при учебникѣ 50 ¢., въ отдѣльной продажѣ $ 1.-

Пересылка въ предѣлахъ США — 25 ¢.
Въ Канаду и заграницу — 50 ¢.

СЛОВО

НА ВЕЧЕРНИ ПЕРВАГО ДНЯ ПАСХИ.

ПРИСНОПАМЯТНАГО АРХІЕП. СИМОНА, НАЧАЛЬНИКА ДУХОВНОЙ МИССІИ ВЪ КИТАѢ.

30 марта/12 апрѣля 1931 г.

Насталъ свѣтлый праздникъ Воскресенія Христова, праздникъ, выражающій нашу надежду на общее воскресеніе наше для жизни будущаго вѣка.

Истину общаго воскресенія мертвыхъ мы исповѣдуемъ словомъ, и о ней постоянно проповѣдуетъ намъ Св. Церковь, но въ праздникъ Пасхи мы не только слышимъ о воскресеніи, а какъ бы своими глазами видимъ его: Пасха, какъ я и раньше говорилъ, есть не просто воспоминаніе событія воскресенія Христова, но есть дѣйствительное таинственное явленіе намъ Воскресшаго Христа. Празднованіе Воскресенія Христова по чину Православной Церкви есть не просто проповѣдь о воскресеніи, а есть благодатное удостовѣреніе въ истинѣ его.

Какъ бы вопреки обѣтованію Господа Іисуса Христа, что вѣрующій въ Него будетъ жить вѣчно, родъ за родомъ православныхъ людей отходитъ въ могилу, и какъ будто исчезаетъ надежда наша на вѣчную жизнь. Но вотъ благодать праздника Пасхи остается намъ вѣрнымъ залогомъ того, что будетъ воскресеніе мертвыхъ: ибо, если Христосъ воскресъ — воскреснемъ и мы.

Вотъ въ настоящіе годы бѣдствій нашего отечества уходитъ въ могилу старое поколѣніе русскаго народа, и сильно ли будетъ новое поколѣніе возвратить прежнюю славу Россіи? Прежняя слава Россіи создавалась и хранилась благочестіемъ царей и народа: церковный бытъ и авторитетъ закона Божія — вотъ основа прежней славы Россіи и благодатный залогъ воскресенія ея.

Пасха въ Кремлѣ*).

«Доколѣ стоитъ Капитолій, будетъ стоять Римъ; доколѣ стоитъ Римъ, будетъ стоять и вселенная!» такъ выражалась древняя пословица о всемірной державѣ Римской. — Столь же пламенное, но освященное вѣрою Христовою, чувство любви къ земной своей родинѣ, невольно наполняетъ сердце и, отъ избытка сердца, изливается устами Русскаго: «доколѣ стоитъ Кремль, будетъ стоять Москва; доколѣ стоитъ Москва, будетъ стоять святая Русь, а съ нею и Православіе!» и не напрасно еще древніе лѣтописцы наши назвали первопрестольную столицу, наслѣдовавшую славу Царьграда, третьимъ Римомъ. Стоитъ только ступить на священную высоту Кремля и окинуть изумленнымъ взоромъ живописную окрестность, дабы не только чувствовать, но и видѣть, что здѣсь во истинну сердце Руси, ибо отъ сего дивнаго средоточія разбѣгаются, во всѣ ея оконечности, благословенные ея пути, изъ-подъ соборной сѣни древнихъ святилищъ, и сюда опять стекаются они, отъ всѣхъ неизмѣримыхъ ея предѣловъ, какъ обращеніе крови въ тѣлѣ человѣческомъ, жилами сосредотачивается въ сердцѣ. Потому такъ сильно и бьется оно, когда приближается къ сему завѣтному сердцу всея Руси, которое само, съ нѣжностію материнскою, бьется для каждаго изъ сыновъ своихъ и всегда готово отозваться на каждый зовъ ихъ, пріемля живое участіе въ ихъ сердечной радости и горѣ.

И этотъ Кремль, столько разъ видѣнный мною, и въ краснорѣчивомъ его безмолвіи, и въ благолѣпіи духовныхъ его торжествъ, теперь впервые случилось мнѣ видѣть, въ священные дни Страстной недѣли и Пасхи, когда онъ облекается всемъ своимъ завѣтнымъ величіемъ, и еще сильнѣе говоритъ душѣ, потрясенной воспоминаніями о распятомъ и воскресшемъ Господѣ. Еще исполненный сихъ впечатлѣній пишу тебѣ, любезный другъ, чтобы передать ихъ тебѣ во всей свѣжести и вмѣстѣ съ тѣмъ пожалѣть, что до сихъ поръ ты добровольно лишалъ себя сего наслажденія духовнаго; и сколькіе изъ насъ, проведя всю свою жизнь подлѣ своей родной святыни, такъ и сойдутъ въ могилу, не полюбопытствовавъ даже: что совершается внутри сего дивнаго Кремля въ священную ночь Пасхи? и о чемъ такъ торжественно гласитъ онъ стоязычнымъ звукомъ своихъ колоколовъ? — А между тѣмъ мы стремимся въ дальнюю чужбину, въ иновѣрный Римъ, посмотрѣть тамъ на служеніе папское, во всѣхъ его подробностяхъ. Тамъ мы не боимся ни толпы въ базиликахъ и въ крестныхъ ходахъ, ни духоты въ Сикстинской капеллѣ, для слышанія miserere. Всѣми средствами стараются добыть туда билеты, чтобы слушать два и три дня сряду, по нѣсколько часовъ, крикливое пѣніе наженниковъ, и только на концѣ вечерни нѣчто болѣе

*) Извлечено изъ «Путешествія по св. мѣстамъ русскимъ» А. Н. Муравьева.

благолѣпное, но далеко отстоящее отъ нашихъ церковныхъ хоровъ. Совершенная драка возникаетъ въ ложѣ Ватиканской, въ ожиданіи трапезы нищихъ, угощаемыхъ Папою, и не смотря на то самыя почетныя дамы, которыя такъ боятся многолюдства въ нашихъ соборахъ, туда тѣснятся, можно сказать, съ опасностію жизни. «Какъ не посмотрѣть? говорятъ онѣ, мы для того и пріѣхали въ Римъ.» — «Какъ же вы ничего не смотрите здѣсь? можно отвѣчать имъ: неужели обряды чуждые, въ землѣ отдаленной, ближе для васъ своихъ единовѣрныхъ, въ сердцѣ родины?» — «Но мы о нихъ не знали,» говорятъ онѣ себѣ въ оправданіе. Сожалѣю и для того, чтобы не было сей послѣдней, хотя весьма слабой отговорки, постараюсь изложить здѣсь то, что наиболѣе поразительно въ великолѣпныхъ службахъ Страстной и Свѣтлой недѣли, подъ священною сѣнію Кремля, такъ какъ я уже описалъ Римскіе обряды сихъ великихъ дней.

Начну съ Великаго Четверга, потому что богослуженіе первыхъ трехъ дней Страстной седьмицы, болѣе или менѣе, можно видѣть въ другихъ церквахъ; но въ послѣдніе дни и на Пасхѣ совершаются особенныя торжества, соотвѣтствующія величію времени и мѣста; даже тѣ, которыя положены въ обыкновенномъ чинѣ всѣхъ церквей, восходятъ тамъ до чрезвычайной степени благолѣпія, такъ что, при зрѣлищѣ оныхъ, невольно умиляется сердце и чувство благоговѣнія обращается въ невыразимый восторгъ. Весеннее полнолуніе, всегда неразлучное съ Страстною седмицею, по самому времени, опредѣленному для празднованія Пасхи, и ранняя весна, теплая, растворенная всѣми своими ароматами, благопріятствовали на сей разъ наружному величію церковныхъ службъ; ибо лѣтняя теплота замѣнила обычный сему времени холодъ въ соборахъ, и сильныя грозы съ громомъ и молніею, какіе только бываютъ по срединѣ лѣта, сдѣлали воздухъ даже душнымъ; теплыя ночи смѣняли жаркіе дни, какъ будто пламенный іюль внезапно заступилъ мѣсто холоднаго апрѣля.

Скажу тебѣ еще нѣчто близкое, не только моему сердцу, но и сердцу каждаго Москвитянина, и ты поймешь, почему радость наша была совершенна въ сіи торжественные дни: благопріятная погода поддержала слабыя силы нашего Владыки, и позволила ему совершить почти всѣ возвышенныя службы; онѣ получали особенное выраженіе отъ духа молитвы, его проникающаго и невольно вселяемаго имъ въ тѣхъ, которые созерцаютъ его благоговѣйное служеніе. «Завидую вамъ, писалъ ко мнѣ, наканунѣ Пасхи, благочестивый Экзархъ Грузіи, что вы проведете праздники въ Москвѣ и раздѣлите радость съ Ангеломъ Церкви Московской, которому такъ легко усугублять радость радующихся о Господѣ;» и я на самомъ дѣлѣ испыталъ истину сихъ выраженій.

Первое, и единственное въ цѣлой Россіи зрѣлище, представляетъ намъ, въ Великій Четвертокъ, соборъ Успенскій: ибо въ немъ совершается, въ память жены, памазавшей на смерть Господа Іисуса, всенародное елеосвященіе, предъ началомъ страстей Христовыхъ, какъ бы во исполненіе словъ Его: «аминь, глаголю вамъ, идѣже аще проповѣдано будетъ Евангеліе сіе,

во всемъ мірѣ, речется и еже сотвори сія, въ память ея» (Мате. XXVI, 13). Какимъ глубокимъ, истинно Христіанскимъ, смысломъ проникнуто сіе таинственное дѣйствіе елеосвященія! Что сказалъ Господь о женѣ? — «Еже имѣ, сія сотвори: предвари помазати тѣло мое на погребеніе» (Марка XIV, 8). Вѣрные же, образуя собою духовное тѣло, котораго глава есть Господь, и пріемля молитвенное участіе въ страданіяхъ его, приготовляются также къ сему высокому подвигу, чрезъ таинство елеосвященія, дабы не оскудѣли ихъ душевныя и тѣлесныя силы, при многотрудномъ служеніи. Торжественное дѣйствіе сіе совершается только въ Іерусалимѣ, Царьградѣ и Москвѣ, хотя могло бы повторяться и во всѣхъ соборныхъ храмахъ; но какъ нѣчто необычайное, оно положено только при Патріаршихъ каѳедрахъ, и утѣшительно видѣть, какъ вѣрно перешелъ весь священный чинъ великой Церкви Константинопольской, заимствованный изъ Св. града, въ сердце собственной святыни нашей, въ первопрестольную Москву.

Архіерей, облачившись въ черныя ризы внутри алтаря, идетъ съ шестью пресвитерами, на средину собора, гдѣ приготовленъ елей со свѣчами, и, во время чтенія канона елейнаго, кадитъ всю церковь. Потомъ начинается умилительное чтеніе семи посланій Апостольскихъ и семи Евангелій, изъ коихъ первое и послѣднее читаетъ на своемъ амвонѣ Преосвященный. Такъ премудро собраны и расположены сіи различныя чтенія, что внимательному слушателю представляется въ нихъ, и самое учрежденіе спасительнаго таинства и духовный плодъ его; особенно трогательны молитвы, которыя послѣ каждой эктеніи, слѣдующей за чтеніемъ Евангелія, возглашаютъ по порядку всѣ священнослужители, начиная съ Владыки. Нельзя безъ глубокаго чувства внимать ихъ изреченіямъ, которыя мы обыкновенно слышимъ только при одрѣ болящихъ, наипаче умирающихъ, будучи сами проникнуты горемъ угрожающей намъ потери. Здѣсь же, со свѣчами въ рукахъ, мы стоимъ всѣ здравые, заблаговременно приготовляя себя къ изшествію изъ сего міра, по милости Господа, еще терпящаго насъ во грѣхахъ нашихъ. О, если бы мы всегда такъ готовились къ вѣчности!

Послѣ окончательной молитвы надъ елеемъ, Архіерей разливаетъ его въ три сосуда, для удобнѣйшаго помазанія многочисленнаго народа, и, начавъ съ самаго себя, помазываетъ священнослужителей и весь клиръ, а потомъ они, въ свою чреду, помазываютъ всю паству, и трогательно видѣть стремленіе православныхъ къ воспріятію сего спасительнаго залога.

Часъ спустя послѣ елеосвященія, въ полдень, начинается литургія Великаго Четверга, которая напоминаетъ намъ, преимущественно передъ всѣми ежедневными литургіями, божественное установленіе Вечери Тайной, и проникаетъ сердце, вмѣсто Херувимской пѣсни, умилительною стихирою: «Вечери Твоея тайныя днесь, Сыне Божій, причастника мя пріими; не бо врагомъ Твоимъ тайну повѣмъ, ни лобзанія ти дамъ яко Іуда, но яко разбойникъ исповѣдаю Тя: помяни мя, Господи, во царствіи Твоемъ».

Всякіе три или четыре года, судя по необходимости въ святомъ мѵрѣ, торжественное его освященіе знаменуетъ сію литургію; оно заблаговре-

менно приготовляется въ крестовой палатѣ Патріаршаго дома, при непрестанномъ чтеніи Евагелія, въ теченіе первыхъ трехъ дней Страстной седмицы, и передъ началомъ литургіи Великаго Четверга, въ двѣнадцати серебряныхъ сосудахъ, приносится Пресвитерами въ соборъ Успенскій. Тамъ совершается надъ нимъ освященіе: на великомъ входѣ, предъ дискосомъ и чашею, несутъ, отъ жетвенника въ царскія двери, такъ называемый алавастръ, малый сосудъ съ преждеосвященнымъ мѵромъ, а за нимъ большіе серебренные сосуды съ мѵромъ приготовленнымъ къ освященію. Алавастръ поставляется на престолѣ, а прочіе сосуды по обѣимъ сторонамъ его; по освященіи даровъ открываются сосуды; Архіерей благословляетъ мѵро съ троекратнымъ крестнымъ знаменіемъ и произноситъ молитву освященія. Часть прежняго мѵра вливается въ каждый сосудъ новаго, а потомъ дополняется опять алавастръ, чтобы Церковь имѣла всегда одно непрерывное мѵро, какъ непрерывенъ въ ней даръ Святаго Духа.

Не безъ глубокой мысли освященіе мѵра, чрезъ которое мы всѣ принимаемъ духовное помазаніе при самой купели, съ именемъ Христіанина, положено совершать въ тотъ великій день, когда Апостолы, начальники нашей вѣры, сдѣлались первыми общниками тѣла и крови Христовой. Не безъ высокой цѣли и самое мѵро истекаетъ на всю Россію, изъ двухъ только первопрестольныхъ соборовъ Кіева и Москвы, дабы симъ духовнымъ единствомъ содержать ее въ союзѣ Православія, и чтобы освященіе верховныхъ Архіереевъ распространялось на дѣйствія каждаго Пресвитера, помазывающаго Св. мѵромъ крещаемыхъ младенцевъ. Мнѣ не случилось видѣть ни освященія мѵра, ни торжественнаго его приготовленія, когда передъ началомъ литургіи, въ Великій понедѣльникъ, Архіерей благословляетъ ароматныя травы и зажигаетъ огонь, для ихъ варенія въ устроенной на сіе пещи, посреди крестовой палаты, подъ наблюденіемъ діаконовъ: — въ этотъ годъ не было необходимости въ освященіи мѵра. Но вмѣсто того я имѣлъ утѣшеніе созерцать другой возвышенный обрядъ, который хотя и совершается повсемѣстно тамъ, гдѣ есть Архіерейскія каѳедры, однако производитъ болѣе впечатлѣнія посреди древней святыни Московской; ибо тамъ все уже заблаговременно располагаетъ сердце къ умиленію, самымъ многообразіемъ священныхъ предметовъ и воспоминаній; одинъ только Кіевъ можетъ сравниться въ этомъ съ Москвою.

Митрополитъ совершалъ литургію и потомъ умовеніе ногъ двѣнадцати Архимандритамъ и пресвитерамъ, на возвышенномъ амвонѣ посреди собора, при чтеніи Евангелія отъ Іоанна, которое громко возглашалъ Протодіаконъ, такъ что каждое слово его представлялось въ самомъ дѣйствіи, и даже слова Господни и Петровы повторялись священнодѣйствующими. При чрезвычайномъ стеченіи народа благоговѣйное молчаніе водворилось въ соборѣ; нѣкій таинственный страхъ проникалъ душу: ждали словъ и дѣяній, какъ бы отъ Самаго Господа, хотя и въ лицѣ Его служителя. И вотъ, вмѣстѣ съ возвышенными словами Евангелія: «вѣдый Іисусъ, яко вся даде ему въ руцѣ и яко отъ Бога изыде и къ Богу грядетъ, воставъ отъ вечери и положи

ризы и, пріемъ лентіонъ, препоясася», тихо поднялся Святитель съ креселъ, на коихъ сидѣлъ посреди двѣнадцати учениковъ; хотя окруженный сонмомъ своихъ діаконовъ, самъ онъ, безъ помощи ихъ, началъ слагать съ себя облаченіе: митру и палицу, омофоръ и саккосъ; но сохранилъ служебное знаменіе ига Христова, эпитрахиль поверхъ подризника, и надѣлъ опять митру, подобіе вѣнца Христова, въ знакъ того, что власть имѣющій Господь, хотя и воспріялъ зракъ раба, владычественно однако совершилъ свое служеніе. Между тѣмъ Протодіаконъ непрестанно повторялъ съ амвона: «и положи ризы и пріемъ лентіонъ препоясася», доколѣ не исполнилъ сего Святитель и не опоясался крестообразно лентіономъ, для отиранія ногъ.

Митрополитъ, слѣдуя во всемъ возглашаемому Евангелію, «влія воду во умывальницу и начатъ умывати ноги ученикомъ и отирати лентіемъ, имъ же бѣ препоясанъ». Онъ дѣйствительно, преклонивъ колѣно, омывалъ и отиралъ ихъ, и потомъ цѣловалъ руку у омываемаго, съ подобающимъ смиреніемъ, не такъ, какъ я видѣлъ въ Римѣ умовеніе, которое совершалъ Папа, и не двѣнадцати Пресвитерамъ, а тринадцати нищимъ; ибо все отзывается въ Римѣ своевольнымъ ниспроверженіемъ древняго чина церковнаго и даже словъ Евангельскихъ. Едва наклонялся Папа къ ногамъ сихъ мнимыхъ нищихъ или странниковъ, весьма мало проникнутыхъ важностію обряда, и Кардиналы, слѣдовавшіе за Первосвященникомъ, гораздо болѣе его служили, вручая имъ послѣ омовенія по медали съ букетомъ цвѣтовъ. У насъ же, напротивъ, во всемъ было строгое исполненіе текста Іоаннова, такъ что кто смотрѣлъ на совершеніе обряда, будто бы читалъ въ лицахъ Евангеліе, а кто читалъ оное, созерцалъ самый обрядъ.

Впечатлѣніе слышаннаго и видѣннаго еще усилилось, когда Владыка, приблизившись къ послѣднему ученику, сидѣвшему съ правой стороны, услышалъ отъ него самыя слова Петровы, благоговѣйно произнесеныя Архимандритомъ Новоспасскимъ, старшимъ изъ всѣхъ, какъ подобало быть и Петру: «Господи, Ты ли мои умоеши нозѣ?» Едва слышнымъ голосомъ отвѣчалъ ему Владыка: «еже Азъ творю, ты не вѣси нынѣ, уразумѣеши же по сихъ». Вся возвышенная бесѣда Господа съ Апостоломъ произнесена была представлявшими ихъ лицами, и только возгласы діакона: «глагола Ему Петръ, отвѣща ему Іисусъ», знаменовали рѣчь каждаго и придавали еще болѣе торжественности сей бесѣдѣ, повторяемой чрезъ осмьнадцать столѣтій, со всею яркою существенностію настоящаго. Когда же заключилъ Владыка, въ лицѣ Господнемъ: « и вы чисти есте, но не вси», и объяснилъ діаконъ, почему онъ это сказалъ: «вѣдый бо предающаго его, сего ради рече, яко не вси чисти есте», невольный ужасъ пробѣжалъ по членамъ; ибо совѣсть возбуждала въ каждомъ страшный вопросъ: «еда азъ есмь, Господи?» Совершивъ таинственное омовеніе, Святитель, по гласу діакона: «пріятъ ризы своя», опять безъ помощи служителей церковныхъ облачился; онъ возсѣлъ между учениковъ своихъ и прочелъ, изъ книги Евангелія, изъясненіе высокой цѣли сего обряда, дабы не только они, но и народъ, уразумѣли всю премудрость установленія церковнаго, изъ самыхъ словъ Спасителя (Іоан.

13, 12-17): «Вѣсте ли, что сотворихъ вамъ? вы глашаете мя учителя и Господа и добрѣ глаголете: есмь бо. Аще убо азъ умыхъ ваши нозѣ, Господь и учитель, и вы должны есте другъ другу умывати нозѣ; образъ бо дахъ вамъ, да, якоже азъ сотворихъ вамъ, и вы творите. Аминь, аминь глаголю вамъ: нѣсть рабъ, болій Господа своего, ни посланникъ болій пославшаго его; аще сія вѣсте, блажени есте, аще творите я».

Есть и въ Великій Пятокъ, ознаменованный столькими возвышенными священнодѣйствіями, одно, исключительно совершающееся въ Успенскомъ соборѣ при царскихъ часахъ, и весьма трогательное, хотя мало кому извѣстное: это омовеніе мощей, которыя торжественно для сего приносятся въ главный соборъ изъ Благовѣщенскаго, гдѣ наиболѣе ихъ хранится; ибо въ сію домашнюю сокровищницу собирало ихъ, изъ дальняго Востока, благочестіе царей нашихъ, и въ Великій Пятокъ предлагало ихъ благоговѣйному лобзанію народа или, можно сказать, отечески съ нимъ дѣлилось своимъ духовнымъ богатствомъ. И этотъ возвышенный чинъ перешелъ къ намъ изъ Византіи, исполненный таинственнаго смысла, какимъ Православная Восточная Церковь умѣла проникать и облекать свои возвышенные обряды. Дѣйствительно, если вникнуть въ сіе послѣднее учрежденіе, то обнаружится нѣчто болѣе нежели одно благоговѣйное желаніе: сохранить въ чистотѣ священные залоги, ввѣренные храненію Церкви.

Наканунѣ Архіерей, въ лицѣ Господа, омывалъ ноги Іереямъ, представлявшимъ лице его учениковъ: не должны лишиться сего молитвеннаго омовенія и ближайшіе послѣдователи Христовы, положившіе за него кости свои въ основаніе Церкви, которые прославили Его на землѣ, хотя отчасти, тою славою, какою Онъ прославилъ ихъ на небесахъ. Посему и имъ воздается та же смиренная почесть: — они уже наслаждаются, въ невечернемъ свѣтѣ царствія Божія, вѣчной Пасхи Христа; но доколѣ еще соблюдаются на землѣ ихъ нетлѣнные остатки, къ послѣднему дню общаго воскресенія, сами они дѣлаются участниками таинственнаго омовенія, которое предшествовало Вечери Тайной. Здѣсь, какъ и во всѣхъ священнодѣйствіяхъ нашихъ, является непрестанный союзъ Церкви видимой и невидимой, воинствующей и торжествующей.

Предъ началомъ царскихъ часовъ, Архіерей, облаченный въ черныя ризы, съ духовенствомъ Успенскаго собора, идетъ въ Благовѣщенскій, при звукѣ колоколовъ Кремля, и ходъ сей имѣетъ ту особенность, что онъ какъ бы погребальный. Въ углообразной паперти Благовѣщенской, куда вступаетъ церковное шествіе, внезапно открывается во внутрь собора умилительное зрѣлище: тамъ, въ черныхъ облаченіяхъ, стоятъ двадцать священниковъ, вокругъ накрытаго парчею длиннаго стола, въ видѣ гроба, на коемъ лежатъ двадцать серебряныхъ ковчеговъ, съ мощами внутри ихъ и съ ликами изваянныхъ на нихъ угодниковъ Божіихъ. Явленіе сіе поражаетъ своею неожиданностію. Архіерей, окадивъ святыя мощи, подаетъ каждый кивотъ священникамъ, которые возлагаютъ его на главу свою; самъ онъ, поддерживаемый двумя Архимандритами, подымаетъ съ налоя животворящій крестъ

Царя Константина, и, такимъ образомъ, весь прежній соборный ходъ, умноженный двадцатью Пресвитерами съ кивотами на главѣ, возвращается въ соборъ Успенскій, возбуждая невольное умиленіе своею погребальною торжественностію. Мнится видѣть древнее шествіе Израиля, съ кивотомъ Завѣта и прочею ветхозавѣтною святынею, несомою левитами въ землю обѣтованную: ибо здѣсь и свѣщники и Херувимы, осѣняющіе въ видѣ рипидъ животворящій крестъ, замѣнившій прообразовательный кивотъ; но вмѣсто костей Іосифа, сопутствовавшихъ сынамъ Израиля изъ Египта, здѣсь кости пострадавшихъ за Христа мучениковъ. Кто не видалъ сего зрѣлища, поистинѣ лишилъ себя чрезвычайнаго утѣшенія.

Кто же сіи, въ частяхъ токмо несомые угодники Божіи? Здѣсь и первозванный Апостолъ, и Евангелистъ Маркъ, и Архидіаконъ Стефанъ, и Богоносецъ Игнатій, Великомученики Георгій и Ѳеодоръ, съ сорока Севастійскими и другими именитыми страдальцами, Пантелеимономъ, Варварою и двумя Персскими; здѣсь Святитель Василій съ Ефремомъ Сирскимъ, и святые Безсребренники, и богословствовавшій Дамаскинъ, и еще много иныхъ, имена коихъ не могу перечесть. Всѣ они полагаются на приуготовленный столъ, промежду двухъ соборныхъ столбовъ, отъ царскаго къ патріаршему мѣсту. Тогда начинается служеніе царскихъ часовъ, въ которомъ участвуетъ самъ Архіерей, ибо онъ читаетъ первое и послѣднее Евангеліе страсти. Это было впервые, что я могъ видѣть сію возвышенную службу, съ подобающей ей торжественностью, такъ какъ она знаменуетъ самый часъ распятія. Обыкновенно ее совершаютъ безъ особеннаго благолѣпія и даже при маломъ стеченіи народа, потому что всѣ готовятся къ вечерней службѣ, для цѣлованія плащаницы; но плащаница знаменуетъ только положеніе во гробъ, собственно же распятіе выражается на часахъ, свидѣтельствомъ четырехъ Евангелистовъ, о страшномъ и спасительномъ для насъ событіи. Послѣ царскихъ часовъ, освящается вода посреди собора, и Архіерей начинаетъ омывать ею, на аналоѣ, животворящій крестъ и гвоздь Господни, послужившіе къ Его распятію, и ризу Его, о коей метали жребій, и ризу Богоматери, изнесенныя изъ алтаря Успенскаго. И какія еще сокровища тамъ хранятся, едва ли вѣдомыя благоговѣйно цѣлующимъ ихъ при посѣщеніи храма? Тутъ и локоть Андрея Первозваннаго, съ частями мощей Предтечи и Великомученика Георгія, черепы Григорія Богослова и Златоуста, и перстъ Василія Великаго, и ручка всехвальной Евѳиміи, и челюсть другаго просвѣтителя Руси, благовѣрнаго князя Владиміра. Все сіе омываетъ также Владыка и потомъ идетъ, въ сопровожденіи діаконовъ, несущихъ святую воду, отирать чело Святителей Петра и Филиппа и руку Святителя Іоны, открытыя цѣлованію народа и потому болѣе требующія омовенія. Трогательно видѣть, чрезъ столько вѣковъ, сіе братское дѣло любви надъ усопшими въ Бозѣ Пастырями и Отцами, совершаемое тѣми, кто исполняетъ чреду ихъ предъ лицемъ ихъ Московской паствы. Тѣмъ же порядкомъ и столь же торжественно возвращается крестный ходъ въ соборъ Благовѣщенскій, съ драгоцѣнными кивотами, которые полагаются тамъ для благоговѣйнаго ихъ чествованія, во весь день Великаго Пятка.

Не стану описывать вечерней службы, которая всегда и вездѣ совершается съ одинаковою торжественностію; я присутствовалъ при служеніи Митрополита въ Заиконоспасскомъ монастырѣ и сожалѣлъ, что не видалъ оное въ Успенскомъ соборѣ или въ Чудовѣ; ибо всѣ такія дѣйствія имѣютъ гораздо больше торжественности внутри священныхъ стѣнъ Кремля. Обычай совершать вечерню сію въ Заиконоспасскомъ, вѣроятно, начался съ того времени, когда тамъ учреждена была духовная Академія, при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, и ректоры ея говорили на сей день назидательное слово, привлекавшее православныхъ своею необычайностію. Но теперь, когда уже духовная Академія перенесена въ лавру Троицкую и самая семинарія помѣщается въ другомъ зданіи: не время ли возвратить Кремлю торжество сей вечерни, которому не благопріятствуетъ тѣснота Заиконоспасской обители?

Настала ночь Великой Субботы, ознаменованная погребальною утренею, съ которой можетъ сравниться одна только Воскресная. Какое страшное слово: «люди погребаютъ Бога!» Какой Ангельскій ликъ былъ бы того достоинъ? Но умалившій Себя ради человѣковъ и зракъ раба пріявшій, мертвъ зрится, и плащаницею обвитый, ею знаменуется, предавая Себя въ руки человѣческія, для таинственнаго погребенія! Здѣсь Церковь исполнилась всѣмъ своимъ плачемъ, чтобы выразить на языкѣ смертныхъ тайну, въ которую и Ангелы желаютъ приникнуть: «Горѣ Тя на престолѣ и долѣ во гробѣ, премірная и подземная помышляющія, Спасе мой, зыбляхуся умерщвленіемъ Твоимъ, паче бо ума видѣнъ былъ еси мертвъ, живоначальниче».

Уже совершились похвальныя пѣсни исходу Богочеловѣка, прерываемыя жалобными псалмами, и мертвенный надъ Нимъ канонъ, проникнутый ужасомъ ада и чаяніемъ вѣчной жизни; Ангельскій гимнъ: «слава въ вышнихъ Богу», огласившій рожденіе Виѳлеемскаго Младенца, повторился и надъ гробомъ Голгоѳскаго Страдальца. Началось тихое: «Святый Боже», сопровождающее каждаго мертвеца человѣческаго къ его послѣднему жилищу, и, при этомъ торжественномъ пѣніи, руками Архіерейскими, поднятъ былъ съ престола соборнаго Божественный мертвецъ. Погребальное шествіе, сѣверными дверьми алтаря, мимо мощей Святителя Петра, двинулось внутрь храма къ западнымъ вратамъ, съ свѣщниками и кадильницами, подъ сѣнію рипидъ, при вѣяніи хоругвей. Ночь встрѣтила во вратахъ изъ ярко освѣщеннаго храма, какъ бы тотъ подземный мракъ, который снизшелъ разсѣять Усопшій, когда въ одно и то же время былъ: «во гробѣ плотски, во адѣ съ душею яко Богъ, въ раю же съ разбойникомъ, и на престолѣ со Отцемъ и Духомъ, вся исполняя неописаннѣ». Мѣдный ревъ колоколовъ Кремлевскихъ потрясъ воздухъ, какъ бы страшный голосъ неба и земли, слитый вмѣстѣ, ибо воистину: «ужаснися бояйся небо и да подвижатся основанія земли, се бо въ мертвецахъ вмѣняется, въ вышнихъ живый, и во гробъ малъ странно пріемлется».

Вмѣсто благообразнаго Іосифа и Мѵроносицъ, погребателемъ шелъ народъ Московскій, около плащаницы своего Господа, со свѣчами въ рукахъ,

съ умиленіемъ въ сердцѣ, чающій воскресенія. Въ величественномъ сумракѣ стояли, свидѣтелями таинственнаго погребенія, три священныхъ собора, какъ бы тройной образъ храма Іерусалимскаго, отколѣ просіяло намъ единство Божіе, въ новозавѣтномъ исповѣданіи трехъ Божественныхъ Лицъ. Грановитая палата, престольная сѣнь всея Руси, и вѣщій исполинъ, прогласившій столько вѣковъ Русской славы, выступили изъ мрака, когда изъ за позлащенныхъ главъ Благовѣщенскаго собора, выкатилась полная луна и, небеснымъ свѣтомъ, затмила земные погребальные огни. Когда же чудное шествіе сіе обошло соборъ и опять возвратилось въ его завѣтную внутренность — мы поспѣшили въ дальнюю обитель Донскую, чтобы тамъ еще разъ слышать повтореніе той же возвышенной утрени и насладиться Ангельскимъ пѣніемъ погребальныхъ гимновъ, которое тамъ исполнено всею торжественностію великаго событія.

Въ домовой церкви Митрополита слушалъ я литургію Великой Субботы, полупогребальную, полувоскресную, по измѣненію черныхъ ризъ на свѣтлыя и провозглашенію перваго Евангелія, о возстаніи Господа, еще надъ плащаницею, гдѣ Онъ видимо покоится предъ всею Церковію. Это уже была заря той царственной Субботы, которая, какъ торжество изъ торжествъ, долженствовала возсіять намъ на слѣдующее утро, и въ этотъ день сподобился я быть участникомъ Божественной вечери, отъ руки священнодѣйствовавшаго Митрополита. Потомъ все умолкло, по заповѣди, до радостнаго утра, какъ нѣкогда и благочестивыя жены, приготовлявшія ароматы для Божественнаго мертвеца; онѣ пошли искать Его рано во гробѣ, и поклонились радуяся живому Богу и Пасху тайную возвѣстили его ученикамъ: и насъ, въ ту же ночь, ожидала радость Мvроносицъ, и дѣйствительно нѣкое таинственное ожиданіе, но не земнаго, а небеснаго, исполняло всѣхъ. Невыразимое чувство говорило сердцу, что наступающій день выходилъ изъ числа дней человѣческихъ, необъятностью самаго событія, и глубокая тишина водворилась, не только въ сердцѣ каждаго, но и въ цѣломъ городѣ, чающемъ вѣчной Пасхи Господа своего. Первопрестольная столица готовилась встрѣтить Воскресшаго внутри своихъ храмовъ; тамъ только видно было нѣкое движеніе; церковнослужители читали книгу Дѣяній Апостольскихъ надъ плащаницей; благочестивые стояли вокругъ и безмолвно внимали.

Вотъ приблизилась завѣтная полночь! Я желалъ насладиться ею во всемъ ея величіи, внѣшнемъ и духовномъ, и поспѣшилъ въ Кремль. Вмѣстѣ съ бывшимъ владѣтельнымъ княземъ сербскимъ, который посѣтилъ древнюю столицу нашу съ тою же церковною цѣлію, и утѣшался въ ней торжествомъ Православія, мы взошли на балконъ малаго дворца, чтобы оттолѣ окинуть взорами все Замоскворѣчье. Картина сія достойна была изумленія. Багровая луна, только что поднявшаяся изъ за горизонта, висѣла какъ яблоко на юговосточной башнѣ Кремля, слабо совѣщая обширную панораму, которая развивалась передъ нами; въ сумракѣ нельзя было ясно различить предметовъ, но темныя бойницы обозначали Кремлевскую огра-

ду. На безчисленныхъ колокольняхъ Замоскворѣчья начинали мало по малу загораться огни, знаменовавшіе свѣтлое торжество; на каждой изъ нихъ, даже до дальней колокольни Симонова, сіяли сіи Пасхальные вѣнчики, своенравно разсѣянные въ воздухѣ, по разнообразной высотѣ башень. Съ того возвышенія, гдѣ мы стояли, глаза наши разбѣгались во всѣ стороны, и нельзя было опредѣлить: какая собственно стихія колебалась предъ нами въ сумракѣ, вся проникнутая яркими огнями? Казалось, еще тысячи звѣздъ зажглись въ воздухѣ, и только багровый огонь отличалъ ихъ отъ небеснаго свѣта настоящихъ свѣтилъ; казалось, звѣздное небо отразилось въ нѣкоемъ морѣ, внезапно подступившемъ къ священной оградѣ Кремля, на мѣсто убогой его рѣки. Исполинъ Кремлевскій уже былъ увѣнчанъ огненнымъ двойнымъ вѣнцемъ, освѣщая вокругъ себя обступившіе его соборы.

Посреди таинственной тишины сей многоглагольной ночи, внезапно съ высоты Ивана великаго, будто изъ глубины неба, раздался первый звукъ благовѣста, — вѣщій, какъ бы зовъ Архангельской трубы, возглашающей общее воскресеніе; но теперь она возвѣщала только возстаніе одного Божественнаго мертвеца, Который попралъ смертію смерть. И вотъ, при первомъ знакѣ, данномъ изъ Кремля, мгновенно послышались тысячи послушныхъ ему колоколовъ, и мѣдный ревъ ихъ исполнилъ воздухъ, плавая надъ всею столицею; она была объята симъ торжественнымъ звономъ, какъ бы нѣкою ей только свойственною атмосферою, проникнутою священнымъ трепетомъ потрясаемой мѣди и радостію благовѣствуемаго торжества. Слышало ухо и не могло насытиться сею дивною гармоніею, будто бы инаго надъоблачнаго міра; смотрѣло око и не могло наглядѣться на зрѣлище священныхъ огней, горѣвшихъ въ небѣ, а сердце человѣка не могло вмѣстить въ себя всей духовной радости — примиренія неба и земли.

Но время было спѣшить въ Успенскій соборъ, для божественной службы. Уже внесена была мертвенная плащаница въ алтарь, при пѣніи погребальнаго канона Великой Субботы, и вотъ исходитъ изъ алтаря Святитель, въ свѣтлыхъ ризахъ, съ сонмомъ священнослужителей, поющихъ: «воскресеніе Твое, Христе Спасе, Ангелы поютъ на небеси, и насъ на земли сподоби, чистымъ сердцемъ Тебе славити». Ангелы уже поютъ воскресеніе, земля же еще безмолствуетъ, ибо къ намъ позже пришла сія радостная вѣсть отъ Ангеловъ. Какъ бы исполненные ихъ видѣніемъ въ алтарѣ, гдѣ положена плащаница, вмѣсто новаго гроба на престолъ, исходятъ, въ чинѣ раннихъ Мѵроносицъ, священнослужители; внѣ храма разрѣшится, ихъ устами, великая тайна: ибо теперь еще знаменуется во мракѣ таинственное сошествіе во адъ Господа, для изведенія душъ праотцевъ. При гласѣ всѣхъ колоколовъ Кремля, со всею завѣтною святынею собора и съ животворящимъ крестомъ въ рукѣ, Митрополитъ обошелъ соборный храмъ, и вся площадь, кругомъ его, исполненная народомъ, обратилась въ одинъ храмъ: какъ будто разступились вѣковыя стѣны трехъ смежныхъ соборовъ, и они соединились въ одно святилище, осѣненное вмѣсто купола звѣзднымъ небомъ. Въ ту же минуту совершалось шествіе, вокругъ Архангельскаго и Благовѣщенскаго собора, на

той же площади, горѣвшей безчисленными огнями, и не погасла ни одна свѣча въ рукахъ народа: такая тишина царствовала въ воздухѣ. Нѣтъ словъ на языкѣ человѣческомъ, чтобы выразить сіе таинственное безмолвіе, исполненное чаяніемъ оживающей земли. Когда же, въ знаменіе Свѣтлаго воскресенія, Владыка роздалъ свѣчи своимъ сослужителямъ, у западныхъ вратъ, и, осѣнивъ врата знаменіемъ креста, впервые возгласилъ: «Христосъ воскресе!» и, при громкомъ пѣніи сего торжественнаго гимна, отверзлись заключенныя врата: — казалось, Востокъ свыше осіялъ всѣхъ, изнутри ярко освѣщеннаго храма; всѣ устремились во внутрь его, какъ бы въ тѣсныя врата небеснаго царства, уже отверстаго для насъ на землѣ; нѣмой восторгъ проговорилъ слезами, и два только божественныя слова: «Христосъ воскресе!», могли выразить тайну неба и земли.

Кто не видалъ Пасхальной утрени въ Кремлевскомъ соборѣ, не можетъ представить себѣ всего величія сей церковной службы, сколь ни возвышенна она, сама по себѣ, и при малѣйшемъ благолѣпіи; Кремль для нее созданъ и она для Кремля, ибо здѣсь благопріятствуетъ и мѣстность, и святыня, и самый гласъ Ивана великаго, звучащій не земнымъ. Торжественны были кажденія Митрополита и послѣ него двѣнадцати Архимандритовъ и Пресвитеровъ, при каждой пѣсни Пасхальнаго канона, съ непрестаннымъ привѣтствіемъ: «Христосъ воскресе»; умилительно цѣлованіе ихъ съ властями и народомъ и назидательно слово Златоуста, приглашавшаго къ общей радости, которое произнесъ Владыка вмѣсто самаго Іоанна: «аще кто благочестивъ и боголюбивъ, да насладится сего добраго и свѣтлаго торжества; аще кто рабъ благоразумный, да внидетъ, радуяся, въ радость Господа своего». Гдѣ, въ какой Церкви, есть что либо подобное торжеству сему, вполнѣ достойному дивнаго событія? Блѣденъ Римъ, съ его внѣшнею картинностію Папскихъ служеній, изъ числа коихъ исключена Пасхальная утреня! И протестанты, чуждающіеся всего внѣшняго въ Церкви, чувствуютъ сиротство свое въ сію великую ночь Пасхи, и притекаютъ въ наши храмы, искать того утѣшенія, котораго сами себя лишили.

Три часа спустя послѣ утрени началась литургія, не менѣе торжественная, по благолѣпію утвари церковной и числу священнослужителей и усердію народа, исполнявшаго храмъ. При звукѣ колокола, Евангеліе возглашалось въ алтарѣ всѣми Архимандритами и Пресвитерами и четырьмя діаконами въ церкви, по четыремъ странамъ свѣта, какъ бы во услышаніе всея Руси изъ ея первопрестольнаго собора; оно читалось на языкѣ греческомъ и славянскомъ, въ знаменіе родственнаго союза Церквей. Послѣ божественной службы, въ скромныхъ покояхъ настоятеля Чудовскаго, ибо Митрополитъ есть вмѣстѣ и Архимандритъ сей каѳедральной обители, все духовенство, предстоявшее съ нимъ у алтаря, соединилось, чтобы разговѣться вмѣстѣ со своимъ Владыкою. Къ вечерни опять собрались въ Успенскомъ храмѣ, и служба была еще торжественнѣе по числу Архимандритовъ, ибо всѣ находящіеся въ Москвѣ соединились, чтобы участвовать въ общей радости великаго дня. Великолѣпно было зрѣлище сего митроноснаго сонма, когда

обступилъ онъ амвонъ, съ котораго Святитель, лицемъ къ народу, читалъ Евангеліе отъ Іоанна, о явленіи воскресшаго Господа ученикамъ Своимъ. Трогательно было видѣть и всенародное его христосованіе со всею паствою, ибо, несмотря на слабость и утомленіе отъ тройной службы, утрени, литургіи и вечерни, Владыка не лишилъ братскаго цѣлованія ни одного изъ предстоявшихъ въ храмѣ, и всѣ стремились лобзать своего Архипастыря. Спрошу опять: гдѣ, въ какой Церкви, можно найти такой умилительный обычай, соединяющій во Христѣ пастыря съ пасомыми, истиннымъ братствомъ, основаннымъ на благоговѣйной любви? Можетъ ли съ этимъ сравниться холодное колѣнопреклоненіе римлянъ предъ ихъ Первосвященникомъ, несомомъ на тронѣ надъ головами народа, которому онъ недоступенъ?

Вотъ я описалъ тебѣ, любезный другъ, сколько могъ, всѣ торжества Страстной и Свѣтлой седмицы, посреди завѣтной святыни Кремля, гдѣ я былъ столько же пораженъ величіемъ Богослуженія, сколько и благоговѣніемъ народа къ своей древней родовой святынѣ. Здѣсь истинная твердыня Руси, — ея незыблемое Православіе, и съ нимъ устоитъ она противъ всѣхъ внѣшнихъ бурь, ибо Церковь ея основана на твердомъ камени вѣры. Скажу въ окончаніе то же, чѣмъ началъ: «доколѣ стоитъ Кремль, стоитъ Москва; доколѣ стоитъ Москва, будетъ стоять Русь, а съ нею Православіе».

ПРИВѢТЪ РОДИНѢ.

Христосъ воскресъ, Христосъ воскресъ!
Тебѣ мы шлемъ пасхальный нашъ привѣтъ...
Теперь, родная, ты молчишь,
Въ тискахъ, въ бѣдахъ изнемогая...
Но вѣрю я — настанетъ время,
Придетъ и для тебя весна!
Неволи злой ты сбросишь бремя,
Ликующе взывая къ намъ:
Воистину, воистину съ Христомъ —
Воскресла я!

В. К. Л.

Пасхальная ночь.

О, Божья звѣздочка! Какъ ярко
Ты свѣтишь съ высоты небесъ,
И ждешь, какъ заиграетъ солнце,
Чтобъ съ нимъ воспѣть: Христосъ воскресъ!
Померкнешь ты съ его восходомъ;
Незримой станешь для людей.
Но тамъ — горѣ... Свѣтилъ милльярды
Заблещутъ тысячей огней. —
И всѣ міры съ земной планетой
Въ одинъ святой сольются гласъ:
Христосъ воскресъ!.. и, смерть поправши,
Грѣховный міръ отъ смерти спасъ.
Ликуютъ люди въ ночь святую, —
Всѣ тѣ, кто вѣрятъ во Христа,
И не дерзаютъ сила ада,
Въ ту ночь разверзть свои уста!

Н. Туренина.

*

* *

Убѣгая струи пѣли,
Серебромъ звеня,
То молитвенныя трели
Голубого дня.
Все ликуетъ въ морѣ свѣта,
Радостно дыша,
Въ ризы бѣлыя одѣта
Каждая душа.
Улыбнись! Вѣдь все проходитъ...
Отдохни отъ слезъ!
Свѣтлый праздникъ къ намъ нисходитъ
И Воскресъ Христосъ!

Надежда Л.

ОТДѢЛЪ ЮНОШЕСКІЙ И ДѢТСКІЙ.

То, чего нельзя забыть.

Конецъ апрѣля... Слышу первые звуки церковнаго благовѣста. Благоговѣйно, радостно замираетъ все мое существо — и изъ глубинъ памяти вспыхиваютъ воспоминанія о совершившемся въ Святую Пасху чудѣ. Такъ ярко и отчетливо, точно событіе произошло нѣсколько часовъ тому назадъ...

Весенній, тихій, прохладный вечеръ Страстной Субботы... село Домажирово... Крутой берегъ многоводной, съ сильнымъ теченіемъ, рѣки Свири. На одномъ изъ его отлоговъ большой, окруженный густымъ садомъ, двухъэтажный домъ. Широкій дворъ, въ глубинѣ котораго казармы для солдатъ, конюшня, амбаръ и сторожевая будка — кордонъ расположенной въ Олонецкой губерніи воинской части. Мой отецъ — командиръ этого отряда.

Въ каждой комнатѣ заботливой рукой няни Марѳуши зажжены лампады. Въ большой, обставленной темнаго дуба мебелью, столовой свѣтъ бронзовой, спускающейся съ потолка лампы освѣщалъ большой круглый, покрытый бѣлоснѣжной скатертью столъ, съ поставленными на немъ разнообразными пасхальными кушаньями: закуски, окорокъ ветчины, высокіе красивые куличи, творожныя пасхи и хрустальныя блюда съ горками, раскрашенныхъ во всѣ цвѣта радуги, яицъ.

Деньщикъ Егоръ у парадныхъ дверей съ фонаремъ въ рукѣ ожидаетъ нашего выхода, чтобы ѣхать въ церковь села Сермаксы на Свѣтлую Заутреню.

Темная, тихая, слегка влажная мгла весенней ночи охватила насъ, когда мы спустились со ступенекъ крыльца. На небѣ, затянутомъ покровомъ тяжелыхъ низкихъ облаковъ, не было видно мерцанія звѣздъ.

Спускаемся по освѣщаемой фонаремъ деньщика узкой каменисто-песчаной тропинкѣ къ пристани парома, гдѣ насъ уже ожидаетъ большой военный катеръ съ шестью солдатами-гребцами. Тусклый свѣтъ фонарей пристани... Толпа крестьянъ расположилась на ея широкихъ доскахъ, въ ожиданіи парома. У каждаго въ рукахъ плетенки съ хлѣбомъ и крашеными яйцами и фонарики для свѣчей пасхальнаго огонька.

Подойдя къ краю пристани, я взглянула на Свирь. Ея поверхность выдѣлялась между крутыхъ береговъ, какъ черная расплавленная масса стекла, готовая поглотить все, что ея коснется. Меня охватило чувство страха — жути...

Помню, какъ, сѣвъ на скамью катера, я, крѣпко зажмуривъ глаза, прижалась къ плечу отца. Сердце тревожно билось. Сильные взмахи веселъ опытныхъ гребцовъ — солдатъ. Черезъ короткій промежутокъ времени, который показался мнѣ вѣчностью, катеръ подошелъ къ пристани села. Черезъ нѣсколько минутъ мы уже шли по темнымъ улицамъ села. Въ оконцахъ избъ лишь кое-гдѣ былъ виденъ свѣтъ. На большой площади возвышалась, обнесенная оградой, красивая, ярко освѣщенная, бѣлая съ голубыми куполами и высокой колокольней сельская церковь.

Мы съ большими усиліями смогли проникнуть въ нее, и то лишь до свѣчного ящика, гдѣ отецъ купилъ свѣчи, а мама поставила корзину съ куличами и крашеными яйцами на столикѣ около старосты, такъ какъ на скамьяхъ, приготовленныхъ для освященія, уже не было мѣста.

Вскорѣ началась служба. Крестный ходъ шелъ вокругъ церкви со свѣчами въ рукахъ. Царила въ воздухѣ такая тишина, что пламя свѣчей едва колебалось. Звонъ колоколовъ наполнялъ благодатію мглу темной ночи, а свѣтъ свѣчей въ рукахъ вѣрующихъ огненной гирляндой опоясывалъ бѣлую церковь...

Торжественный возгласъ священника — «Христосъ воскресе!» — звонкій радостный гулъ многочисленныхъ голосовъ — «воистину воскресе!»

Кончилась заутреня. Мы остались на литургію. Въ концѣ ея шумъ извнѣ привлекъ мое вниманіе, нарушая благоговѣйное чувство, которымъ я была полна.

— «Мамочка, что это за шумъ?» — тихо спросила я.

— «Это, милая дѣвочка, началась буря — не бойся... буря скоро утихнетъ».

Но когда мы вышли на паперть храма, порывы вихря ослѣпили наши глаза пылью. Буря свирѣпствовала такъ, что мы, я и моя сестра, едва держались на ногахъ. Отецъ взялъ меня за руку, а сестру мать. Мы шли почти ощупью по темной улицѣ села въ сопровожденіи солдатъ-гребцовъ между спѣшившими къ пристани толпами крестьянъ.

О принесеніи домой пасхальнаго огонька нельзя было и думать. Огни свѣчей даже у тѣхъ, которые успѣли вставить ихъ въ фонарики, были погашены вѣтромъ.

На пристани шелъ шумный говоръ. У парома оборвался одинъ изъ канатовъ, и онъ былъ уже негоденъ для переправы. Паромщикъ предлагалъ воспользоваться рыбачьимъ плоскодоннымъ, съ низкими бортами, баркасомъ.

Нашъ военный катеръ раскачивали громадныя волны. Онъ бился о столбы пристани. Опытные гребцы-солдаты, быстро вскочивъ въ него, подхватили меня и мою сестру на руки и посадили на скамью. Отецъ и мать также благополучно вошли въ катеръ, и скоро онъ, ныряя точно орѣховая скорлупа, двинулся въ темную мглу къ противоположному берегу Свири.

Въ этотъ же ужасный мракъ ушелъ и наполненный крестьянами утлый рыбачій баркасъ.

Вихри вѣтра неистовствовали. Черныя волны почти захлестывали высокіе борты нашего катера. Вода яростно кипѣла, силясь поглотить его. Но опытные гребцы ровно и мѣрно подымали весла, а отецъ держалъ спокойно и крѣпко управленіе рулемъ. Я и сестра Женя, прижавшись къ груди нашей дорогой мамы, съ ужасомъ наблюдали за борьбой сильнаго корпуса катера съ натискомъ разъяренной стихіи...

Вдругъ въ порывахъ вѣтра стали долетать до насъ крики и вопли, то замирая, то усиливаясь.

— «Что это, Вася?» — спросила мама.

— «Очевидно, лодка, ушедшая раньше насъ, захлестывается волнами... Надо поспѣшить на помощь. Налягьте на весла! Спасательные круги на мѣстѣ?»

— «Такъ точно, Ваше Высокородіе», отвѣтили гребцы.

Крики и вопли слышны были все сильнѣе и сильнѣе. Они были такъ потрясающе ужасны, что леденили сердце.

— «Тонутъ люди... водная пучина увлекаетъ ихъ на дно» — въ трепетѣ думала я, всматриваясь въ мглу ночи. «Какъ же можно ихъ замѣтить въ такой темнотѣ?»

Вдругъ свѣтъ нашего фонаря скользнулъ по перевернутой вверхъ дномъ лодкѣ. За не едержались руки тонущихъ людей.

Неподалеку, вцѣпившись въ плывшія по волнамъ весла, взывали о помощи другіе.

— «Подойти ближе къ лодкѣ» — приказалъ гребцамъ отецъ. «Кто вдали отъ лодки, спасать въ первую очередь».

Двое гребцовъ положили весла. Одинъ взялъ спасательный кругъ, другой освѣщалъ фонаремъ гребни вздымавшихся волнъ. Тремъ боровшимся съ разбушевавшейся стихіей людямъ были брошены спасательные круги. Послѣ долгихъ усилій, изъ за натиска волнъ и сильной качки, удалось втащить ихъ въ катеръ. Это были три молодыя женщины. Одна была уже совсѣмъ обезсилена, почти захлебнувшаяся. Опоздай солдаты на нѣсколько минутъ, она не имѣла бы даже силъ держаться за спасательный кругъ. Помню дрожь, охватившую меня, отъ коснувшейся моихъ ногъ струи холодной воды, стекавшей съ мокрыхъ одеждъ женщинъ...

— «Помоги... помоги, служивый... тяни на лодку, Христа Воскресшаго ради» — раздался у кормы катера прерывающійся голосъ. «Тону... гибну».

Отецъ, отодвинувъ меня и сестру къ противоположному борту и, передавъ руль одному изъ гребцовъ, быстро нагнулся къ взывавшему на помощь человѣку. Схвативъ его за руки, онъ съ помощью деньщика Егора втащилъ его на катеръ. Это былъ старикъ съ длинной сѣдой бородой.

— «Больше нельзя безъ риска затонуть брать кого либо на катеръ», сказалъ отецъ, снова берясь за руль. Быстрѣе, къ пристани. Сейчасъ вернемся спасать остальныхъ».

Катеръ благополучно достигъ берега. Я стою съ мамой и Женей на пристани. Буря не ослабѣла. Волны съ такой силой и яростью разбивались о сваи и столбы, что пристань шаталась и содрогалась отъ ихъ ударовъ.

Отецъ, не выходя изъ катера, тотчасъ же отправился спасать крестьянъ, а деньщикъ, освѣщая фонаремъ тропинку, сопровождалъ насъ и спасенныхъ людей.

Няня Марѳуша встрѣтила насъ возгласами и причитаніями. Не обращая вниманія на нихъ, мама сказала ей дать женщинамъ и старику одежду и одѣяла и накормить и напоить горячимъ чаемъ. Когда мы съ Женей проходили мимо столовой, мы посмотрѣли на такъ нарядно и красиво сервированный куличами, творожными пасхами и крашеными яйцами пасхальный столъ. Никто не сѣлъ за него въ эту Свѣтлую Пасхальную ночь. Мы ждали папу. Милостью Божіей, только бы спасены были гибнувшіе въ страшныхъ волнахъ люди!

Утомленныя волненіями и переживаніями, мы съ сестрой всецѣло отдали себя въ распоряженіе няни Марѳуши. Не помню,

какъ она позаботилась о насъ. Я проснулась въ своей кроваткѣ нашей уютной дѣтской. На сосѣдней постели крѣпко спала Женя, зарывшись носикомъ въ подушку. Яркіе теплые лучи весенняго солнца, пробиваясь сковь тюлевыя занавѣски, бросали причудливые блики на голубой коверъ.

Передо мной стоялъ отецъ и, протягивая мнѣ руки, говорилъ: «Лидочка, проснись, проснись! Разбуди Женю. Сейчасъ придетъ няня одѣть и причесать васъ. Будемъ разговляться».

— «А какъ люди, что тонули ночью?» — былъ мой первый вопросъ.

— «Всѣ спасены. Всѣ устроены на отдыхъ въ казармѣ».

—«Слава Богу! Какое счастье! Какая радость! Господь спасъ ихъ! А буря?»

— «Буря утихла такъ же внезапно, какъ налетѣла», отвѣтилъ отецъ, выходя изъ дѣтской.

— «Вставай! Проснись, Женичка! Уже утро. Буря прошла, и солнышко свѣтитъ въ окно. Всѣ люди спасены милостью Божіей. Вставай. Папа сказалъ. Сейчасъ будемъ разговляться».

— «Какіе люди?» — лепетала спросонья сестра.

— «Тѣ, кто тонули ночью. Христосъ воскресе!»

— «Воистину воскресе!» — отвѣтила Женя. Мы радостно поцѣловались.

Лидія Кобеляцкая.

Невѣроятное для многихъ, но истинное происшествіе.

(Окончаніе).

XXI.

Испытанное мною чувство страха такъ захватило меня всего, что я не сознавалъ даже, продолжали ли мы и во время этой ужасной встрѣчи нашъ полетъ, или она остановила насъ на время; я понялъ, что мы движемся, что мы продолжаемъ подыматься вверхъ, лишь когда предо мною снова разостлалось безконечное воздушное пространство.

Пройдя нѣкоторое его разстояніе, я увидѣлъ надъ собою яркій свѣтъ; онъ походилъ, какъ казалось мнѣ, на нашъ солнечный, но былъ гораздно сильнѣе его. Тамъ, вѣроятно, какое то царство свѣта.

"Да, именно царство, полное владычество свѣта", — предугадывая какимъ то особымъ чувствомъ еще не видѣнное мною, думалъ я, — потому что при этомъ свѣтѣ нѣтъ тѣней. "Но какъ же можетъ быть свѣтъ безъ тѣни?" — сейчасъ же выступили съ недоумѣніемъ мои земныя понятія.

И вдругъ мы быстро внеслись въ сферу этого свѣта, и онъ буквально ослѣпилъ меня. Я закрылъ глаза, поднесъ руки къ лицу, но это не помогло, такъ какъ руки мои не давали тѣни. Да и что значила здѣсь подобная защита!

"Боже мой, да что же это такое, что это за свѣтъ такой? Для меня вѣдь та же тьма. Я не могу смотрѣть и, какъ во тьмѣ, не вижу ничего" — взмолился я, сопоставляя мое земное зрѣніе и забывъ, или, быть можетъ, даже и не сознавая, что теперь такое сравненіе не годилось, что теперь я могъ видѣть и во тьмѣ

Эта невозможность видѣть, смотрѣть, увеличивала для меня страхъ неизвѣстности, естественный при нахожденіи въ невѣдомомъ мнѣ мірѣ, и я съ тревогой размышлялъ: "Что же будетъ дальше? Скоро ли минемъ мы эту сферу свѣта и есть ли ей предѣлъ, конецъ?"

Но случилось иное. Величественно, безъ гнѣва, но властно и непоколебимо, сверху раздались слова: — Не готовъ!

И затѣмъ... затѣмъ мгновенная остановка въ нашемъ стремительномъ полетѣ вверхъ — и мы быстро стали опускаться внизъ.

Но прежде чѣмъ покинули мы эти сферы, мнѣ дано было узнать одно дивное явленіе.

Едва сверху раздались означенныя слова, какъ все въ этомъ мірѣ, казалось, каждая пылинка, каждый самомалѣйшій атомъ отозвались на нихъ своимъ изволеніемъ. Словно многомилліонное эхо повторило ихъ на неуловимомъ для слуха, но ощутимомъ и понятномъ для сердца и ума языкѣ, выражая свое полное согласіе съ послѣдовавшимъ опредѣленіемъ. И въ этомъ единствѣ воли была такая дивная гармонія, и въ этой гармоніи столько невыразимой, восторженной радости, предъ которой жалкимъ безсолнечнымъ днемъ являлись всѣ наши земные очарованія и восторги. Неподражаемымъ музыкальнымъ аккордомъ прозвучало это многомилліонное эхо, и душа вся заговорила, вся беззаботно отозвалась на него пламеннымъ порывомъ слиться съ этой общею дивною гармоніей.

XXII.

Я не понялъ настоящаго смысла относившихся ко мнѣ словъ, то есть не понялъ, что долженъ вернуться на землю и снова жить такъ же, какъ раньше жилъ; я думалъ, что меня несутъ въ какія либо иныя страны, и чувство робкаго протеста зашевелилось во мнѣ, когда предо мною сначала смутно, какъ въ утреннемъ туманѣ, обозначились очертанія города, а затѣмъ и ясно показались знакомыя улицы.

Вотъ и памятное мнѣ зданіе больницы. Такъ же, какъ прежде, чрезъ стѣны зданія и закрытыя двери былъ внесенъ я въ какую то совершенно неизвѣстную мнѣ комнату: въ комнатѣ этой стояло въ рядъ нѣсколько окрашенныхъ темною краской столовъ, и на одномъ изъ нихъ, покрытомъ чѣмъ то бѣлымъ, я увидѣлъ лежащаго себя, или вѣрнѣе, мое мертвое окоченѣвшее тѣло.

Неподалеку отъ моего стола какой то сѣденькій старичекъ въ коричневомъ пиджакѣ, водя согнутою восковою свѣчкой по строкамъ крупнаго шрифта, читалъ Псалтирь, а по другую сторону, на стоявшей вдоль стѣны черной лавкѣ сидѣла, очевидно, уже извѣщенная о моей смерти и успѣвшая пріѣхать, моя сестра, и подлѣ нея, нагнувшись и что то тихо говоря — ея мужъ.

— Ты слышалъ Божіе опредѣленіе? — подведя меня къ столу, обратился ко мнѣ безмолствовавшій доселѣ мой Ангелъ Хранитель, и, указавъ затѣмъ рукою на мое мертвое тѣло, сказалъ: "Войди и готовься".

И за симъ, оба Ангела стали невидимы для меня.

XXIII.

Совершенно ясно помню, что и какъ произошло послѣ этихъ словъ со мною.

Сначала я почувствовалъ, что меня какъ бы стѣснило что то; затѣмъ явилось ощущеніе непріятнаго холода, и возвращеніе этой утраченной мною способности чувствовать такія вещи живо воскресило во мнѣ представленіе прежней жизни, и чувство глубокой грусти какъ бы

о чѣмъ то утраченномъ охватило меня. (Замѣчу здѣсь къ слову, что чувство это осталось послѣ описываемаго мною событія навсегда при мнѣ).

Желаніе вернуться къ прежней жизни, хотя до этой поры въ ней не было ничего особенно скорбнаго, ни на минуту не шевельнулось во мнѣ; меня нисколько не тянуло, ничто не влекло къ ней.

Приходилось ли вамъ, читатель, видѣть пролежавшую нѣкоторое время въ сыромъ мѣстѣ фотографію? Рисунокъ на ней сохранился, но отъ сырости онъ выцвѣлъ, облинялъ и, вмѣсто опредѣленнаго и красиваго изображенія, получилась какая то сплошная блѣдно-рыжеватая муть. Такъ обезцвѣтилась для меня жизнь, превратясь тоже въ какую то сплошную водянистую картинку, и таковою остается она въ моихъ глазахъ и по нынѣ.

Какъ и почему почувствовалъ я это сразу — не знаю, но только она ничѣмъ не влекла меня; испытанный мною ранѣе ужасъ отъ сознанія моего разобщенія съ окружающимъ міромъ теперь почему то утратилъ для меня свое странное значеніе; я видѣлъ, напримѣръ, сестру и понималъ, что не могу сообщаться съ ней, но это нисколько не тяготило меня; я довольствовался тѣмъ, что самъ вижу ее и знаю все о ней; во мнѣ даже не явилось, какъ прежде, желанія заявить какъ нибудь о своемъ присутствіи.

Впрочемъ и не до того было. Чувство стѣсненія заставляло меня все больше и больше страдать. Мнѣ казалось, что меня словно жмутъ какими то тисками, и ощущеніе это все усиливалось; я, со своей стороны, не оставался пассивнымъ, дѣлалъ что то, боролся ли, стараясь освободиться отъ него, или дѣлалъ усилія не освобождаясь, какъ нибудь сладить, одолѣть его — опредѣлить не могу, помню только, что мнѣ становилось все тѣсней и тѣсней, и, наконецъ, я потерялъ сознаніе.

XXIV.

Очнулся я уже лежащимъ въ больничной палатѣ на койкѣ.

Открывъ глаза, я увидѣлъ себя окруженнымъ чуть не цѣлою толпою любопытствующихъ, или, выражаясь иначе: съ напряженнымъ вниманіемъ наблюдавшихъ меня лицъ.

У самого моего изголовья, на придвинутомъ табуретѣ, стараясь сохранить свое обычное величіе, сидѣлъ старшій врачъ; его поза и манеры, казалось, говорили, что все это, молъ, вещь обыкновенная, и ничего тутъ нѣтъ удивительнаго, а между тѣмъ въ его устремленныхъ на меня глазахъ такъ и сверкало напряженное вниманіе и недоумѣніе.

Младшій докторъ — тотъ уже безо всякаго стѣсненія буквально впился въ меня глазами, словно стараясь просмотрѣть меня всего насквозь.

У ногъ моей койки, одѣтая въ траурное платье, съ блѣднымъ, взволнованнымъ лицомъ, стояла сестра моя, подлѣ нея — зять, изъ-за сестры выглядывало болѣе другихъ спокойное лицо больничной сидѣлки,

а еще дальше за ней виднѣлась ужъ совсѣмъ перепуганная физіономія нашего молодого фельдшера.

Придя окончательно въ себя, я прежде всего привѣтствовалъ сестру; она быстро подошла ко мнѣ, обняла меня и заплакала.

— Ну, батенька, и задали же вы намъ жару! — со свойственнымъ молодости нетерпѣніемъ подѣлиться поскорѣе пережитыми необычайными впечатлѣніями и наблюденіями, проговорилъ младшій докторъ. — Кабы вы знали, что съ вами творилось!

— Да я отлично помню все, что происходило со мной, — проговорилъ я.

— Какъ? Неужели вы не теряли сознанія?

— Стало быть — нѣтъ.

— Это очень, даже очень странно, — проговорилъ онъ, взглянувъ на старшаго доктора. — Странно потому, что вы лежали настоящею кочерыжкой, безъ малѣйшихъ признаковъ жизни, нигдѣ ничего, ни ни. Какъ же можно въ такомъ состояніи сохранить сознаніе?

— Вѣроятно же — можно, если я и видѣлъ, и сознавалъ все.

— То есть видѣть то вы ничего не могли, а слышать, чувствовать. И неужели вы все — все слышали и понимали? Слышали, какъ васъ обмывали, одѣвали...

— Нѣтъ, этого я ничего не чувствовалъ. Вообще тѣло мое было для меня совсѣмъ не чувствительно.

— Какъ же такъ? Говорите, что помните все, что было съ вами, а ничего не чувствовали?

— Я говорю, что не чувствовалъ только того, что дѣлалось съ моимъ тѣломъ, находясь подъ яркимъ впечатлѣніемъ пережитаго, — проговорилъ я, думая, что такого поясненія вполнѣ достаточно, чтобы понять высказанное мною.

— Ну-те? — видя, что я остановился на этомъ, проговорилъ докторъ.

А я даже и запнулся на минуту, не зная, что же еще ему нужно отъ меня? Мнѣ казалось, что все такъ понятно, и я снова лишь повторилъ:

— Я сказалъ вамъ, что не чувствовалъ только своего тѣла, слѣдовательно всего, что касалось его, но вѣдь тѣло мое — не весь же я? Вѣдь не весь же я лежалъ кочерыжкой. Вѣдь прочее то все жило и продолжало дѣйствовать во мнѣ! — проговорилъ я, думая, что то раздвоеніе или вѣрнѣе раздѣльность въ моей личности, которая была теперь яснѣе Божьяго дня для меня, была такъ же извѣстна и тѣмъ людямъ, къ которымъ я обращалъ мою рѣчь.

Очевидно, я еще не вернулся вполнѣ въ прежнюю жизнь, не перенесся на точку ея понятій, и говоря о томъ, что зналъ теперь и перечувствовалъ, самъ не понималъ, что слова мои могутъ казаться чуть не бредомъ сумасшедшаго для не испытавшихъ ничего подобнаго и отрицавшихъ все подобное людей.

XXV.

Младшій докторъ хотѣлъ еще что то возразить или спросить меня, но старшій сдѣлалъ ему знакъ, чтобъ онъ оставилъ меня въ покоѣ, — не знаю ужъ, потому ли, что этотъ покой былъ дѣйствительно нуженъ мнѣ, или потому, что изъ моихъ словъ онъ вывелъ заключеніе, что голова моя еще не въ порядкѣ, и поэтому нечего толковать со мной.

Убѣдившись, что механизмъ мой пришелъ въ болѣе или менѣе надлежащій видъ, меня ослушали: отека въ легкихъ не оказалось; затѣмъ, давъ мнѣ выпить, кажется, чашку бульона, всѣ удалились изъ палаты, позволивъ лишь сестрѣ побыть со мной еще нѣкоторое время.

Думая, вѣроятно, что напоминанія о случившемся могутъ волновать меня, вызывая всякія страшныя предположенія и гаданія, въ родѣ возможности быть погребеннымъ заживо, и т. п., всѣ окружавшіе и навѣщавшіе меня избѣгали заводить со мною объ этомъ разговоры; исключеніе составлялъ только младшій докторъ.

Его, повидимому, крайне заинтересовалъ бывшій со мною случай, и онъ по нѣсколько разъ на день прибѣгалъ ко мнѣ, то просто лишь взглянуть, что и какъ, то задать одинъ-другой надуманный вопросъ; иногда онъ приходилъ одинъ, а иногда приводилъ даже съ собою какого либо товарища, по большей части студента, *посмотрѣть* на побывавшаго въ мертвецкой человѣка.

На третій или четвертый день, найдя меня, вѣроятно, достаточно окрѣпшимъ, или, можетъ быть, просто потерявъ терпѣніе выжидать дольше, онъ, придя вечеромъ въ мою палату, пустился уже въ болѣе продолжительный разговоръ со мной.

Подержавъ меня за пульсъ, онъ сказалъ:

— Удивительно: всѣ дни пульсъ у васъ совершенно ровный, безъ всякихъ вспышекъ, отклоненій, а если бы вы знали, что съ вами творилось! Чудеса, да и только!

Я уже освоился теперь, вошелъ въ колею прежней жизни, и понималъ всю необычайность случившагося со мной, понималъ и то, что знаю о немъ только я, и что тѣ чудеса, о которыхъ говоритъ докторъ, есть какія нибудь внѣшнія проявленія пережитаго мною происшествія, какія нибудь диковины съ медицинской точки зрѣнія, и спросилъ:

— Это когда же чудеса со мной творились? Передъ тѣмъ, какъ я вернулся къ жизни?

— Да, передъ тѣмъ, какъ вы очнулись. Я ужъ не говорю о себѣ, я человѣкъ малоопытный, а случая летаргіи до сихъ поръ и совсѣмъ не видалъ, но кому я ни разсказывалъ изъ старыхъ врачей, всѣ удивлены, понимаете, до того, что отказываются вѣрить моимъ словамъ.

— Да что жъ собственно было со мной столь диковиннаго?

— Я думаю, вы знаете, — впрочемъ, тутъ и знать не надо, оно и такъ, само собою, понятно, — что когда у человѣка проходитъ даже простое обморочное состояніе, всѣ органы его работаютъ сначала крайне

слабо: пульсъ едва уловить можно, дыханіе совсѣмъ непримѣтно, сердца не сыщешь. А у васъ произошло что то невообразимое: легкіе сразу запыхтѣли, какъ какіе то мѣха исполинскіе, сердце застучало, что молотъ о наковальню. Нѣтъ, этого даже передать нельзя: это надо было видѣть. Понимаете, это былъ какой то вулканъ передъ изверженіемъ, морозъ бѣжитъ по спинѣ, со стороны становилось страшно; казалось, еще мгновеніе — и кусковъ не останется отъ васъ, потому что никакой организмъ не можетъ выдержать такой работы.

"Гм... не диво же, что я, передъ тѣмъ какъ очнуться, потерялъ сознаніе" — подумалъ я.

А до разсказа доктора я все недоумѣвалъ и не зналъ, какъ объяснить то странное, какъ казалось мнѣ, обстоятельство, что во время умиранія, то есть, когда все замирало во мнѣ, я ни на минуту не потерялъ сознаніе, а когда мнѣ надлежало ожить, я впадалъ въ обморочное состояніе. Теперь же это стало понятно мнѣ: при смерти я хотя тоже чувствовалъ стѣсненіе, но въ крайній моментъ оно разрѣшилось тѣмъ, что я сбросилъ съ себя то, что причиняло его, а одна душа, очевидно, не можетъ падать въ обмороки; когда же мнѣ слѣдовало вернуться къ жизни, я, наоборотъ, долженъ былъ принять на себя то, что подвержено всякимъ физическимъ страданіямъ, до обмороковъ включительно.

XXVI.

Докторъ, между тѣмъ, продолжалъ:

— И вы помните, что это вѣдь не послѣ какого нибудь обморока, а послѣ полуторасуточной летаргіи! Можете судить о силѣ этой работы по тому, что вы представляли собой замороженную кочерыжку, а спустя какія нибудь пятнадцать-двадцать минутъ, ваши члены получили уже гибкость, а къ часу согрѣлись даже и конечности. Вѣдь это невѣроятно, баснословно! И вотъ, когда я разсказываю, мнѣ отказываются вѣрить.

— А знаете, докторъ, почему это случилось такъ необычайно? — сказалъ я.

— Почему?

— Вы, по вашимъ медицинскимъ понятіямъ, подъ опредѣленіемъ летаргіи понимаете нѣчто сходное съ обморокомъ?

— Да, только въ наивысшей степени...

— Ну, тогда, стало быть, со мной была не летаргія.

— А что же?

— Я, стало быть, дѣйствительно умиралъ и вернулся къ жизни. Если бы здѣсь было только ослабленіе жизнедѣятелности въ организмѣ, то тогда бы она, конечно, возстановилась бы безъ подобной "бульверсіи", а такъ какъ тѣлу моему надлежало экстренно приготовиться къ принятію души, то и работать всѣ члены должны были тоже экстраординарно.

Докторъ съ секунду слушалъ меня внимательно, а затѣмъ его лицо приняло равнодушное выраженіе.

— Да вы шутите; а для насъ, медиковъ, это крайне интересный случай.

— Могу васъ увѣрить, что я и не думаю шутить. Я самъ несомнѣнно вѣрю тому, что говорю, и хотѣлъ бы даже, чтобы и вы повѣрили... ну, хотя бы для того, чтобы серіозно изслѣдовать такое исключительное явленіе. Вы говорите, что я ничего не могъ видѣть, а хотите — я вамъ нарисую всю обстановку мертвецкой, въ которой я *живымъ* никогда не былъ, хотите, раскажу, гдѣ кто изъ васъ стоялъ и что дѣлалъ въ моментъ моей смерти и вслѣдъ за тѣмъ?

Докторъ заинтересовался моими словами, и когда я разсказалъ и напомнилъ ему, какъ все было, онъ, съ видомъ человѣка, сбитаго съ толку, промычалъ:

— Н-да, странно. Какое то ясновидѣніе...

— Ну, докторъ, это ужъ совсѣмъ что то не вяжется: состояніе замороженнаго судака — и ясновидѣніе!

Но верхъ изумленія вызвалъ въ немъ мой разсказъ о томъ состояніи, въ которомъ я находился въ первое время послѣ разъединенія моей души съ тѣломъ, о томъ, какъ я видѣлъ все, видѣлъ, что они хлопочутъ надъ моимъ тѣломъ, которое, по его безчувствію, имѣло для меня значеніе сброшенной одежды; какъ мнѣ хотѣлось дотронуться, толкнуть кого нибудь, чтобы привлечь вниманіе къ себѣ, и какъ ставшій слишкомъ плотнымъ для меня воздухъ не допускалъ моего соприкосновенія съ окружающими меня предметами.

Все это онъ слушалъ, чуть не буквально разиня ротъ и сдѣлавъ большіе глаза, и, едва кончилъ я, поспѣшилъ проститься со мной и ушелъ, вѣроятно, спѣша подѣлиться съ другими столь интереснымъ повѣствованіемъ.

XXVII.

Вѣроятно, онъ сообщилъ объ этомъ и старшему врачу, ибо этотъ послѣдній, во время визитаціи на слѣдующій день, осмотрѣвъ меня, задержался около моей койки и сказалъ:

— У васъ, кажется, были галлюцинаціи во время летаргіи. Такъ вы смотрите, постарайтесь отдѣлаться отъ этого, а то...

— Могу съ ума спятить? — подсказалъ я.

— Нѣтъ, это, пожалуй, ужъ много, а можетъ перейти въ манію.

— А развѣ бываютъ при летаргіи галлюцинаціи?

— Что жъ вы спрашиваете. Вы знаете это теперь лучше меня.

— Единственный случай, хотя бы и со мною, для меня не доказательство. Мнѣ хотѣлось бы знать общій выводъ медицинскихъ наблюденій по этому обстоятельству.

— А куда же дѣвать случай съ вами? Вѣдь это же фактъ!

— Да, но если всѣ случаи подводить подъ одну рубрику, то не закроемъ ли мы этимъ двери для изслѣдованія разныхъ явленій, различныхъ симптомовъ болѣзней, и не получится ли черезъ подобный пріемъ нежелательная односторонность въ медицинскихъ діагнозахъ?

— Да тутъ ничего подобнаго быть не можетъ. Что съ вами была летаргія — это внѣ всякаго сомнѣнія, слѣдовательно и должно принять то, что было съ вами, за возможное въ этомъ состояніи.

— А скажите, докторъ: есть ли какая нибудь почва для появленія летаргіи въ такой болѣзни,, какъ воспаленіе легкихъ?

— Медицина не можетъ указать, какая именно нужна для нея почва, потому что она приключается при всякихъ болѣзняхъ, и даже бывали случаи, что человѣкъ впадалъ въ летаргическій сонъ безъ предшествія какой либо болѣзни, будучи повидимому совершенно здоровъ.

— А можетъ пройти самъ по себѣ отекъ легкихъ во время летаргіи, то есть въ то время, когда сердце его бездѣйствуетъ и, слѣдовательно, увеличеніе отека не встрѣчаетъ никакихъ препятствій для себя?

— Разъ это случилось съ вами — стало быть, это возможно, хотя, вѣрьте, вашъ отекъ прошелъ, когда вы уже очнулись.

— Въ нѣсколько минутъ?

— Ну, ужъ въ нѣсколько минутъ... Впрочемъ, хотя бы и такъ. Такая работа сердца и легкихъ, какова была въ моментъ вашего пробужденія, можетъ, пожалуй, и ледъ на Волгѣ взломать, не то что разогнать какой угодно отекъ въ короткое время.

— А могли стѣсненныя, отекшія легкія работать такъ, какъ они работали у меня?

— Стало быть.

— Слѣдовательно, ничего удивительнаго, поразительнаго въ приключившемся со мною нѣтъ?

— Нѣтъ, почему же! Это, во всякомъ случаѣ... рѣдко наблюдаемое явленіе.

— Рѣдко, или въ такой обстановкѣ, при такихъ обстоятельствахъ — никогда?

— Хмъ, какъ же никогда, когда это было съ вами?

— Слѣдовательно, и отекъ можетъ пройти самъ по себѣ, даже когда всѣ органы у человѣка бездѣйствуютъ, и стѣсненное отекомъ сердце, и отекшія легкія могутъ, если имъ вздумается, работать на славу; казалось бы, отъ отека легкихъ и умирать нечего! А скажите, докторъ, можетъ ли человѣкъ очнуться отъ летаргіи, приключившейся во время отека легкихъ, то есть можетъ ли онъ вывернуться заразъ отъ двухъ такихъ... неблагопріятныхъ казусовъ?

На лице доктора появилась ироническая улыбка.

— Вотъ видите: я предупреждалъ васъ не даромъ относительно маніи то, — проговорилъ онъ. — Вы все хотите подвести бывшій съ вами случай подъ что то другое, а не летаргію, и задаете вопросы съ цѣлью...

"Съ цѣлью убѣдиться, — подумалъ я, — кто изъ насъ маніакъ: я ли, желающій выводами науки провѣрить основательность сдѣланнаго тобою моему состоянію опредѣленія, или ты, подводящій, быть можетъ, вопреки даже возможности, все подъ одно имѣющееся въ твоей наукѣ наименованіе?"

Но громко я сказалъ слѣдующее:

— И задаю вопросы съ цѣлью показать вамъ, что не всякій, увидавъ порхающій снѣгъ, способенъ, вопреки указаніямъ календаря и цвѣтущимъ деревьямъ, во что бы то ни стало утверждать, что стало быть зима, потому лишь, что по наукѣ снѣгъ значится принадлежностью зимы; ибо самъ я помню, какъ однажды выпалъ снѣгъ, когда по календарному счисленію значилось двѣнадцатое мая и деревья въ саду моего отца были въ цвѣту.

Этотъ мой отвѣтъ, вѣроятно, убѣдилъ доктора, что онъ опоздалъ со своимъ предупрежденіемъ, что я уже впалъ въ "манію", и онъ ничего не возразилъ мнѣ, и я не сталъ больше ни о чемъ спрашивать его.

XXVIII.

Я привелъ этотъ разговоръ для того, чтобы читатель не обвинилъ меня въ непростительномъ легкомысліи, что я по горячимъ, такъ сказать, слѣдамъ не обслѣдовалъ научно бывшаго со мною необычайнаго случая, тѣмъ болѣе что произошелъ онъ при такой благопріятной для сего обстановкѣ. Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, на лицо были два лечившіе меня врача, два врача — очевидца всего случившагося, и цѣлый штатъ больничныхъ служащихъ различныхъ категорій! И вотъ по приведенному разговору читатель можетъ судить, чѣмъ должны были окончиться мои "научныя обслѣдованія". Что я могъ узнать, чего добиться при такомъ отношеніи къ дѣлу? Мнѣ многое хотѣлось узнать, хотѣлось для соображеній подробно узнать и понять весь ходъ моей болѣзни, хотѣлось узнать: было ли хотя на іоту вѣроятности въ томъ, что отекъ у меня могъ всосаться въ то время, когда сердце у меня бездѣйствовало и кровообращеніе, повидимому, окончательно прекратилось, такъ какъ я окоченѣлъ? Баснѣ, что онъ прошелъ у меня въ нѣсколько минутъ, когда я уже очнулся, одинаково мудрено было вѣрить, потому что тогда все равно являлась непонятною такая дѣятельность стѣсненныхъ отекомъ сердца и легкихъ.

Но послѣ подобныхъ вышеприведенныхъ попытокъ я оставилъ моихъ врачей въ покоѣ и пересталъ разспрашивать ихъ, потому что все равно и самъ не повѣрилъ бы правдивости и безпристрастности ихъ отвѣтовъ.

Пробовалъ я и впослѣдствіи "обслѣдовать научно" этотъ вопросъ; но результатъ получился почти тотъ же; я встрѣчалъ такое же апатичное отношеніе ко всякимъ самостоятельнымъ "обслѣдованіямъ", такое же рабство мысли, такой же малодушный страхъ перешагнуть за черту очерченнаго наукой круга.

А наука... Ахъ, какое тутъ постигло разочарованіе! Когда я спрашивалъ: возможно ли человѣку, впавшему въ летаргію при наступившемъ послѣ воспаленія отекѣ легкихъ очнуться, или наблюдались ли въ медицинѣ и возможны ли по закону природы вообще такіе случаи, чтобы во время летаргіи больной совершенно выздоравливалъ отъ болѣзни, весь ходъ которой и финалъ являлись, по мнѣнію врачей, вполнѣ естественно и правильно наступившею смертью, мнѣ обыкновенно сразу отвѣчали отрицательно. Но сейчасъ же, при дальнѣйшихъ моихъ вопросахъ, увѣренный тонъ переходилъ въ гадательный, появлялись разныя "впрочемъ", "знаете", и т. п. О томъ, что это было со мною, конечно, нечего было и заикаться. Тутъ ужъ сразу, безъ малѣйшей запинки, выплывало всеподданнѣйшее предъ наукой и всеобъемлющее и всеудовлетворяющее ученыхъ: "разъ это было съ вами...", и проч. И никакого недоумѣнія, удивленія, что указывало на полнѣйшее отсутствіе увѣренности и обоснованности того, что говорилось за четверть часа передъ тѣмъ. Меня, какъ не посвященнаго въ тонкости этой науки, да еще на бѣду привыкшаго разсуждать, ужасно злило это, и я не разъ съ горячностью спрашивалъ, ставя вопросъ ребромъ:

— Но скажите, пожалуйста, пусть летаргія явленіе рѣдкое, пусть сама она мало наблюдалась, мало изслѣдована, но неужели же въ вашихъ научныхъ законоположеніяхъ о жизни организма нельзя найти сколько нибудь опредѣленнаго отвѣта на подобные вопросы?

Но тутъ приходилось убѣдиться, что это "научное законоположеніе для жизни организма" имѣло подъ собой столько же незыблемой почвы, какъ и гипотеза о происхожденіи каналовъ на Марсѣ и бываемыхъ тамъ наводненіяхъ. Да и чего ужъ было въ сущность сущностей забираться, когда даже на мой вопросъ, бываютъ ли (я уже не спрашивалъ — возможны или невозможны, такъ какъ тутъ опять требовалось самостоятельное мышленіе и умозаключеніе) при летаргіи галлюцинаціи, я не получилъ прямого отвѣта.

И пришлось мнѣ самому браться за собираніе тѣхъ свѣдѣній, какія я хотѣлъ найти готовыми въ наукѣ, и собиралъ я ихъ, особенно въ первое время, весьма усердно, во-первыхъ, потому, что мнѣ хотѣлось уяснить самому себѣ, что должно понимать подъ словомъ "летаргія" — глубокій ли сонъ, обморокъ, однимъ словомъ такое состояніе, когда жизнь въ человѣкѣ какъ бы замираетъ, но не покидаетъ его совсѣмъ, или такое представленіе медицины невѣрно и въ сущности со всякимъ впавшимъ по нашимъ опредѣленіямъ въ летаргію происходитъ то же, что было и со мной. А во вторыхъ, я предвидѣлъ, конечно, то недовѣріе (откровенно говоря, совсѣмъ безсмысленное и неосновательное, такъ какъ научно нельзя вѣдь доказать невозможности такого явленія), какое будетъ встрѣчать мой разсказъ и какое онъ несомнѣнно вызоветъ и теперь, и будучи самъ горячо убѣжденъ въ происшедшемъ со мною, желалъ найти подтвержденіе основательности моей убѣжденности въ наблюденіяхъ и возможныхъ изслѣдованіяхъ даннаго обстоятельства.

XXIX.

Итакъ, какой же результатъ дали мои изслѣдованія, что же именно было со мной? Несомнѣнно то, что я и писалъ, то есть, что душа моя покинула на время тѣло, и затѣмъ, Божіимъ опредѣленіемъ, вернулась въ него. Отвѣтъ, могущій, конечно, имѣть двоякое къ себѣ отношеніе: безусловно невозможный для однихъ и вполнѣ вѣроятный для другихъ, въ зависимости отъ внутренняго устроенія, отъ міросозерцанія человѣка. Для того, кто не признаетъ существованія души, недопустимъ даже вопросъ о какомъ либо правдоподобіи такого опредѣленія. Какая душа можетъ отдѣлиться, когда ея и нѣтъ вовсе? Желательно только, чтобы такіе мясники обратили вниманіе на то, что въ человѣкѣ можетъ видѣть, слышать, однимъ словомъ, жить и дѣйствовать и тогда, когда тѣло его лежитъ окоченѣлымъ и совершенно безчувственнымъ. А кто вѣритъ, что въ человѣкѣ помимо физическаго состава, физическихъ отправленій, есть и еще какая то сила, совершенно отъ сихъ послѣднихъ независимая, для того въ подобномъ фактѣ нѣтъ ничего невѣроятнаго. А вѣрить этому, думается, и гораздо разумнѣе и основательнѣе, ибо если не эта сила одухотворяетъ, даетъ жизнь нашему тѣлу, а сама лишь является продуктомъ дѣятельности этого послѣдняго, то тогда ужъ совершенною нелѣпостью является смерть. Чего ради долженъ я вѣрить въ логичность такихъ явленій, какъ старость, разрушеніе, когда потребный для питанія и обновленія моего организма обмѣнъ веществъ въ моемъ тѣлѣ не прекращается? Когда я обращался съ моимъ разсказомъ къ духовнымъ лицамъ разныхъ іерархическихъ степеней, а между ними были и люди очень ученые, всѣ они единогласно отвѣчали мнѣ, что въ бывшемъ со мною происшествіи нѣтъ ничего невѣроятнаго, что повѣствованія о подобныхъ случаяхъ имѣются и въ Библіи и въ Евангеліи, и въ житіяхъ святыхъ, и въ Своихъ благихъ и премудрыхъ цѣляхъ Господь допускаетъ иногда такія предвосхищенія души, даетъ по мѣрѣ ея способностей — одной созерцать больше, другой меньше изъ того таинственнаго міра, въ который всѣмъ намъ предстоитъ неизбѣжный путь. Прибавлю здѣсь отъ себя, что иногда цѣль такихъ откровеній бываетъ сразу ясна и понятна, иногда остается сокрытою и настолько, что откровеніе кажется какъ бы безпричиннымъ, ничѣмъ не вызваннымъ, а иногда лишь черезъ долгій промежутокъ времени или какими нибудь кружными путями обозначается его необходимость.

Такъ, въ перечитанной мною литературѣ по этому предмету я напалъ на случай, гдѣ только для правнука подобное обстоятельство явилось грознымъ и столь властно, неотразимо воздѣйствовавшимъ на него предостереженіемъ, что онъ не колеблясь отказался отъ самоубійства, отъ котораго дотолѣ ничто не могло отвратить его. Очевидно, въ родъ этотъ было необходимо пролить такое знаніе, но кромѣ прабабки спасеннаго этимъ знаніемъ юноши, вѣроятно, никто не способенъ былъ воспринять его, и оттого и легъ такой долгій промежутокъ времени между откровеніемъ

и его примѣненіемъ. Такева духовная, религіозная сторона этого обстоятельства. Перейдемъ къ другимъ. Здѣсь я встрѣтилъ много такого, что могло лишь подтвердить мою вѣру, и ничего такого, что бы ее опровергло.

XXX.

Прежде всего, изъ всякихъ справокъ и всего перечитаннаго мною по этому предмету я узналъ, что галлюцинацій въ летаргіи и по существу быть не можетъ, что впавшій въ летаргическій сонъ или ничего не слышитъ и не чувствуетъ, или чувствуетъ и слышитъ лишь то, что въ дѣйствительности происходитъ вокругъ него, и медицинское наименованіе такого состоянія "сномъ" совершенно неправильно. Это скорѣе какое то оцѣпенѣніе, парализація, или, какъ еще подходяще выражается нашъ простой народъ, "обмираніе", которое въ зависимости отъ степени его силы иногда распространяется на всѣ мельчайшія отправленія, на всю тончайшую работу организма, и въ такомъ случаѣ, само собою разумѣется, ни о какихъ сновидѣніяхъ и галлюцинаціяхъ рѣчи быть не можетъ, такъ какъ всякая дѣятельность мозга бываетъ такъ же парализована, какъ и прочихъ органовъ. При болѣе же слабой степени оцѣпенѣнія больной чувствуетъ и сознаетъ все вполнѣ правильно, мозгъ его находится въ совершенно трезвомъ состояніи, какъ у бодрствующаго и совершенно трезваго человѣка, и, слѣдовательно, этому страшному недугу совсѣмъ несвойственно, даже и въ малой мѣрѣ, на подобіе хотя бы сна или легкаго забытья, омрачать сознаніе.

Далѣе несомнѣнно вѣскимъ, хотя быть можетъ и не для людей "положительныхъ" наукъ, но для людей просто со здравымъ смысломъ и трезвымъ отношеніемъ къ вещамъ, доказательствомъ того, что бывающія въ подобныхъ приключившимся со мною обстоятельствахъ видѣнія не суть бредъ, галлюцинація, а дѣйствительно ими пережитое, служитъ ихъ сила и реальность. Думаю, каждый изъ насъ знакомъ съ какими нибудь яркими сновидѣніями, бредомъ, кошмаромъ и тому подобными явленіями, и каждый по себѣ можетъ провѣрить, насколько продолжительны бываютъ обыкновенно оставляемыя ими впечатлѣнія. Обыкновенно они блѣднѣютъ и разсѣиваются вслѣдъ за пробужденіемъ, если дѣло идетъ о сновидѣніи или кошмарѣ, или при наступившемъ переломѣ къ выздоровленію, въ случаѣ бреда, галлюцинацій. Достаточно человѣку прійти въ себя, какъ онъ сейчасъ же отдѣлывается отъ ихъ власти и сознаетъ, что это былъ бредъ или кошмаръ. Такъ я зналъ одного горячечнаго, который, спустя часъ послѣ кризиса, со смѣхомъ разсказывалъ о пережитыхъ имъ страхахъ въ бреду; несмотря на очень сильную еще слабость, онъ уже смотрѣлъ на едва минувшее глазами здороваго человѣка, сознавалъ, что это былъ бредъ, и воспоминанія о немъ не вызывали уже въ немъ страха. Совсѣмъ иное то состояніе, о которомъ я веду рѣчь. Я никогда ни на одно мгновеніе не усумнился въ томъ,

что все видѣнное и испытанное мною въ тѣ часы, которые протекли, выражаясь языкомъ докторовъ, отъ моей "агоніи" и до "пробужденія" въ мертвецкой, были не грезы, но столь же реальная быль, какъ и моя теперешняя жизнь и окружающая обстановка. Меня всячески старались сбить съ этой увѣренности, оспаривали подчасъ даже и до смѣшного, но можно ли заставить усомниться человѣка въ томъ, чте для него такъ же дѣйствительно и памятно, какъ прожитый вчерашній день. Попробуйте увѣрить его, что онъ вчера спалъ весь день и видѣлъ сны, когда енъ отлично знаетъ, что пилъ чай, обѣдалъ, ходилъ на службу и видѣлъ извѣстныхъ людей.

И замѣтьте, что я здѣсь не представляю исключенія. Перечитайте или прослушайте повѣствованія о такихъ случаяхъ, и вы увидите, что подобныя откровенія загробнаго міра имѣли иногда, очевидно, чисто личную цѣль, и въ такихъ случаяхъ лицу, получившему ихъ, запрещалесь разсказывать о видѣнномъ (въ извѣстной части) другимъ, и хотя бы это лицо проживало послѣ того десятки лѣтъ, какой бы это ни былъ легкомысленный, слабохарактерный человѣкъ, ни ради чего, ни даже самымъ близкимъ и дорогимъ ему людямъ онъ не открывалъ ввѣренной ему тайны. Изъ этого ясно, насколько свято было для него полученное приказаніе, и что оно во всю жизнь, стало быть, сохраняло характеръ несомнѣнной дѣйствительности, а не продуктъ его разстроеннаго воображенія. Извѣстно также, что послѣ подобныхъ случаевъ отъявленные атеисты становились и оставались во всю послѣдующую жизнь глубоко вѣрующими людьми.

Что же это за странность, что за исключительность такая? Какимъ образомъ вполнѣ здоровый человѣкъ, какимъ, напримѣръ, я знаю себя, можетъ, вопреки общему закону для подобныхъ вещей, во всю жизнь оставаться подъ воздѣйствіемъ какого то кошмара, галлюцинацій, и даже больше того: какъ что либо подобное можетъ измѣнить его самого, его міросозерцаніе, когда и житейскій опытъ, и самыя ошеломительныя катастрофы въ этой нашей *дѣйствительной* жизни сплошь да рядомъ являются безсильными произвести подобную перемѣну въ человѣкѣ?

Очевидно, тутъ дѣло не въ летаргіи и галлюцинаціяхъ, а въ дѣйствительно пережитомъ и испытанномъ. И принимая въ вниманіе общую склонность людей къ забвенію, вслѣдствіе чего сложилась и фраза: "время исцѣляетъ все", всякія потери, пережитыя катастрофы, сердечныя раны, не доказываетъ ли такая необычайная, исключительная памятливость, что пережившій подобное происшествіе человѣкъ дѣйствительно переступилъ черезъ ту грозную для насъ и величайшаго значенія грань, за которой времени и забвенія уже не будетъ, и которую мы называемъ смертью?

XXXI.

Нужно ли здѣсь повторять и всѣ другія необычайности бывшаго со мною происшествія? Куда, въ самомъ дѣлѣ, дѣвался мой отекъ —

и отекъ, какъ должно думать, очень значительный, если у меня сразу такъ понизилась температура и онъ такъ залилъ мои легкія, что я ничего не могъ выхаркать, несмотря на всѣ способствовавшія тому средства, хотя и грудь моя была переполнена мокротой? Какъ разошелся, во что всосался онъ, когда и кровь у меня застыла? Какимъ образомъ могли такъ правильно и сильно заработать мои отекшія легкія и сердце, если отекъ оставался у меня до пробужденія? Очень мудрено при наличности такихъ условій вѣрить, чтобы я могъ очнуться и остаться живымъ, не чудомъ, а естественнымъ путемъ. Не очень то часто выпутывается больной изъ отека легкихъ, даже и при болѣе благопріятной обстановкѣ. А тутъ, нечего сказать, хороша обстановка: медицинская помощь оставлена, самого обмыли, нарядили и вынесли въ нетопленую мертвецкую! И потомъ, что же это за непостижимое явленіе? Я видѣлъ и слышалъ не какія нибудь созданія моей фантазіи, а что въ дѣйствительности происходило въ палатѣ, и отлично понималъ все это, стало быть, я не бредилъ и вообще былъ въ полномъ сознаніи, и въ то же время, имѣя умственныя способности въ порядкѣ, я вижу, чувствую и сознаю себя раздвоившимся, — вижу лежащее на койкѣ свое бездыханное тѣло, и вижу и сознаю, помимо этого тѣла, другого себя, и сознаю странность этого обстоятельства, и понимаю все особенности новой формы моего бытія. Потомъ я вдругъ перестаю видѣть, что происходитъ въ палатѣ. Почему же? Потому ли, что умственная дѣятельность моя погружается въ настоящую нирвану, что я окончательно теряю сознаніе? Нѣтъ, я продолжаю видѣть и сознавать окружающее меня и не вижу происходящаго въ больничной палатѣ только потому, что я *отсутствую,* а какъ возвращусь, я снова по прежнему буду видѣть и слышать все, *но уже не въ палатѣ, а въ мертвецкой,* въ которой я при жизни никогда не былъ. Но кто же это могъ отсутствовать, если въ человѣкѣ нѣтъ, какъ самостоятельнаго существа, души? Какъ могла отдѣлиться совершенно душа отъ тѣла, если здѣсь не произошло того, что на нашемъ языкѣ называется смертью? Да и какая охота была мнѣ, въ нашъ вѣкъ невѣрія и отрицанія всего сверхчувственнаго, говорить о такомъ невѣроятномъ фактѣ и доказывать его истинность, если бы все не произошло и не было для меня такъ явственно, осязательно и несомнѣнно? Это естественная потребность человѣка, не вѣрующаго только, но увѣреннаго, — увѣреннаго въ истинности православнаго ученія о смерти, исповѣдь человѣка, чудеснымъ образомъ излѣченнаго отъ безсмысленнаго, грознаго и слишкомъ распространеннаго въ наше лукавое время недуга невѣрія въ загробную жизнь.

XXXII.

Сказалъ Господь устами праведнаго Авраама въ притчѣ о богатомъ и Лазарѣ: *если Моисея и пророковъ не послушаютъ, то если бы кто и изъ мертвыхъ воскресъ — не повѣрятъ.* Пусть читатели вдумаются въ этотъ разсказъ, и они убѣдятся, какъ вѣрны и непреложны эти сло-

веса Господни и въ наше время. Люди, не слушающіе, не исполняющіе животворящихъ заповѣдей Господнихъ, въ священныхъ книгахъ пророками и Апостолами записанныхъ, дѣлаются неспособными вѣрить и тому, что повѣдаетъ человѣкъ, дѣйствительно изъ мертвыхъ воскресшій. Таково сердце человѣческое, грѣхомъ омраченное: имѣя уши — человѣкъ не слышитъ!

К. Икскуль.

Книги — подарки.

ЗАКОНЪ БОЖІЙ для семьи и школы. Со многими иллюстраціями (около300). Составилъ свящ. С. Слободской. Книга въ хорошемъ переплетѣ съ тисненіемъ — цѣна $ 6.

КРАТКІЙ СБОРНИКЪ статей апологетическаго содержанія. Приложеніе къ «Закону Божію». При учебникѣ 50 ¢.

«МОЯ ЖИЗНЬ ВО ХРИСТѢ», о. Іоанна Сергіева (Кронштадтскаго). Первый и второй томы въ одной книгѣ. Книга перепечатана фотографическимъ способомъ, изданіе Свято-Троицкаго монастыря. Книга издана въ роскошномъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ, 835 стр.

Цѣна съ пересылкой $ 8. 50.

ОТЕЦЪ ІОАННЪ КРОНШТАДТСКІЙ. Жизнь, дѣятелностьтельность и кончина добраго пастыря, великаго молитвенника и духовнаго свѣтильника Земли Россійской. П. М. Чижовъ. 196 стр. 1958 г. Цѣна $ 1. 50

ИСТОРІЯ ХРИСТІАНСКОЙ ЦЕРКВИ, Протоіерея Петра Смирнова. Перепечатанная фотографическимъ способомъ съ двадцать третьяго дореволюціоннаго изданія, 275 стр. 1957 г. Книга въ коленкоровомъ переплетѣ, съ золотымъ тисненіемъ. Цѣна $ 3. 50.

Всѣ вышеуказанныя книги можно выписать со склада монастыря.